

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

ДЖАНГА С ТЕНЯМИ

Хроники Сиалы

Хроники Сиалы

Алексей Пехов

Джанга с тенями

«Автор»

2002

Пехов А. Ю.

Джанга с тенями / А. Ю. Пехов — «Автор», 2002 — (Хроники
Сиалы)

ISBN 978-5-9922-0784-2

Кости Судьбы упали, показав единицы, и это значит, что отряд влип в очередную историю, а отдуваться за всех придется вору. Или герою? Или просто человеку, который оказался не в том месте и не в то время и добыл ключ от Створок эльфийских могильников, а затем пересек Иселину, Пограничное королевство и добрался до лесов Заграбы... Только теперь отступать уже поздно – тени сгущаются, окружают отряд, и уже неясно, где друг, а где враг, где та неуловимая грань между ответом и тайной, жизнью и смертью. Ведь не многим известно, что джанга с тенями не всегда ведет правильной дорогой...

ISBN 978-5-9922-0784-2

© Пехов А. Ю., 2002

© Автор, 2002

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	38
Глава 4	53
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Алексей Пехов

Джанга с тенями

Автор выражает глубочайшую признательность Аномалии за ловлю маленьких зеленых гоблинов и Сергею Бондаренко – за уроки Длинного меча.

Глава 1

Ранненг

Жители южного Валиостра, ни разу не бывавшие на севере страны и не видевшие Авендума, склонны считать Ранненг очень большим городом. Ранненг действительно город не маленький, но все же размерами он сильно уступает Авендуму.

Кто не знает, Ранненг – бывшая столица королевства, утратившая это почетное звание в период Войны Весны, когда произошло вторжение орочьей армады из Заграбских лесов. Это самый старый город Валиостра. Камень, послуживший основой фундамента для первого здания города, заложили в такие далекие и седые времена, что о них теперь не вспомнят даже лучшие историки королевства.

За полторы тысячи лет своего существования Ранненг пережил сотню властителей, несколько десятков поколений жителей, шесть больших пожаров, начисто стиравших город с лица земли, несколько переворотов, бунтов и эпидемий.

Почти уничтоженный орками и заново отстроенный после войны, Ранненг воистину считается самым красивым городом королевства. Старинная архитектура, многочисленные храмы богов, множество парков, широкие улицы, фонтаны чуть ли не через каждые сто ярдов – все это привлекает в город многочисленных путешественников, зевак и торговцев.

В Ранненге в самом начале правления династии Сталконов по высочайшему указу тогдашнего короля был основан Университет наук, в который приезжают учиться чуть ли не со всех северных королевств. Напротив достопочтенного Университета находится большой парк, и если пройти через маленький лес, разросшийся в городской черте, в Верхний район города, то упруешься в огромные бронзовые ворота школы Ордена магов. Из этой школы начинают путь все маги королевства, и именно здесь будущим волшебникам закладывают основы основ, и только после пяти лет обучения в Ранненге они отправляются в школу Авендума для дальнейшего совершенствования магического искусства. Из-за школы магов и старого Университета город называют Городом Знаний.

Ранненг раскинулся на пяти холмах, находящихся как раз на пересечении главных южных торговых путей королевства, так что лучше места для закладки города было просто не найти. Ранненг красив, даже прекрасен – недаром его воспевают поэты, – но у него есть один существенный недостаток: он намного ближе к лесам Заграбы, чем Авендум а, следовательно, оркам, появившись у них вновь нездоровое желание повоевать, намного проще добраться сюда, а не к Холодному морю. Поэтому-то пятьсот лет назад Ранненг перестал быть столицей. Орки научили людей осторожности и отучили рисковать, как в Войну Весны, сердцем королевства. Что ни говори, а династия Сталконов не собиралась дважды наступать на одни и те же грабли, поэтому король со всем двором перебрался на север, в Авендум, подальше от страны лесов и возможных опасностей. А где у нас король, там у нас что? Правильно, где у нас король, там у нас и столица.

Ну да ладно! На этом позвольте свой краткий историко-географический экскурс закончить, благо мы наконец-то добрались до городских ворот.

Наш отряд въезжал в Ранненг поздним утром, в то время, когда народ из деревень, городов и других стран направляется к городским воротам, чтобы купить, продать, украсть, получить работу, пойти учиться, посетить родственников, услышать сплетни или попросту от нечего делать поглазеть на красоты города. Давка у ворот была такая, что попасть в Ранненг я надеялся не раньше чем после обеда.

Гвалт в толпе стоял неописуемый. Сотни людей разговаривали, орали, кричали и спорили, с пеной у рта доказывая свое право первыми пробиться к воротам. Возле телеги, груженной репой, вспыхнула драка за спорное место в очереди. Стража Ранненга попыталась навести порядок, но только сделала еще хуже – безнадежная попытка успокоить мутузивших друг друга деревенщин к успеху не привела, а все нездоровое внимание толпы оказалось сосредоточено на нерасторопных стражниках. Назревала потасовка, и в воздухе ощутимо запахло жгучим гарракским перцем. Немногочисленные стражники сами были не рады, что вмешались в драку деревенских детинушек.

– Что за ерунда? – раздраженно бросил тип с унылым лицом, отзывающийся на имечко Горлопан. – Сколько себя помню, у Северных ворот никогда не было такой давки! Все всегда прут через ворота Триумфа. Ополумел народец, что ли?

– И чего мы через эти ворота поперлись? – зло прошипел Халлас, держась рукой за щеку.

Что может быть хуже хмурого, сварливого и злого на весь белый свет гнома? Только хмурый, сварливый, злой на весь белый свет гном, да к тому же еще и с больным зубом.

– Да они ближе всех к тракту! – попытался оправдаться Горлопан.

– Ближе они, – хмуро сказал Халлас, теребя косички в своей бороде. – А то, что сейчас кто-то загнетса от зубной боли, об этом дурья твоя башка не подумала?!

– Хватит, Халлас, – вступился за Горлопана Делер. – Ты терпел целые сутки, потерпи еще часок.

– Так это не он терпел, это мы его терпели, – не согласился с карликом пухленький Сурок, и его тонкие губы дрогнули в едва заметном подобии улыбки.

Тут я был склонен поддержать Сурка. С того времени как у гнома заболел зуб, он стал просто невыносим и довел до кипения не только Делера, но и обычно всегда спокойного флегматика Фонарщика. Только каким-то чудом – видно, провидение богов, не иначе, – отряд не скрутил Халласа на дороге и не выбил ему проклятуший зуб.

– Помолчи, Сурок! – От боли Халлас не мог даже спорить. – Вот когда у тебя зуб заболит...

– А у него не заболит, он, в отличие от гнома, на плечах которого пустая тыква, невесть каким умником названная башкой, в дождь плащ надевает! Давай я тебе этот зуб вырву! Делов-то на пару минут! – громыхнул Делер.

Гном нехорошо посмотрел на широкоплечего безбородого карлика с явным намерением дать ему в нос. Драке воспрепятствовал Горлопан, как бы невзначай поставивший свою лошадь между карликом и гномом.

– Чего так медленно-то? – простонал Халлас, наблюдая, как стража пропускает в ворота телегу, доверху заставленную деревянными клетками с курами.

– Так каждого же осмотреть надо, пошлину взять, узнать, зачем в город приехал, – пискнул Кли-кли.

– Небывалое для стражи рвение, – хмыкнул я. – С чего бы это?

– А кто их, стражников, знает, – пожал плечами маленький зеленый гоблин и обратился к гному: – Ты не волнуйся, Халлас, к обеду мы в город попадем.

– Может, попробуем въехать через другие ворота, милорд Алистан? – нерешительно спросил Медок, покосившись на главу нашего отряда.

Милорд Алистан несколько секунд обдумывал предложение самого большого и сильного воина нашего отряда, а затем задал встречный вопрос:

– Сколько ехать до других ворот, Горлопан?

– За часок доберемся, – лениво протянул Горлопан, щурясь на солнце.

Лицо у Халласа стало бордовым, и я начал опасаться, что его хватит удар.

– За часок?! – зарычал он. – До обеда?! Я столько не вытерплю! – Гном решительно направил лошадь к воротам.

– Куда это он? – ошалело спросил Горлопан, но Алистан ударил пятками в бока своего огромного коня, и нам не оставалось ничего другого, как следовать за ним и гномом.

Публика, собравшаяся возле ворот, с интересом глазела на нас, а затем, сообразив, что мы лезем без соблюдения очереди, начала угрожающе роптать.

– Побьют! Клянусь Сагрой, побьют, – пробурчал Сурок, ехавший рядом со мной.

Гном бесцеремонно раздвигал лошадью возмущающуюся толпу и орал, как заправский сапожник, требуя, чтобы ему освободили дорогу.

– Сто-ой, гном! Сто-о-ой! – Перед Халласом возник стражник с алебардой. – Куда прешь? Не видишь очередь?!

Халлас было открыл рот, чтобы высказать стражнику все, что он думает о нем и его родственниках вплоть до седьмого колена, но Миралисса, каким-то чудом оказавшаяся рядом с Халласом, оттеснила гнома в сторону.

И правильно. В таком мрачном состоянии духа гном способен впутать нас в любую неприятность, из которой выпутываться придется с помощью полновесного золота. А если золото разбрасывать направо и налево из-за любого гномьего каприза, то его просто не напасешься (золота, а не гнома).

– Доброе утро, почтенный! Почему сегодня такая очередь у ворот? Что-то произошло? – улыбнулась пепельноволосая эльфийка.

Стражник сразу же сбавил тон и даже попытался поправить мундир. Как учат нас мамочки с самого раннего детства, с эльфами, будь они хоть темными, хоть светлыми, надо вести себя как можно вежливее, если, конечно, не хочешь получить кинжалом под ребра в тот момент, когда расе лесных жителей покажется, что их ненароком оскорбили.

– Какое же оно доброе, миледи?! Видите, что у нас творится? Каждого проверь, проверь и еще раз проверь! Времена-то какие. В мире творится тьма знает что! Помяните мое слово: это все козни Неназываемого!

– Что тут у вас произошло, почтенный?

– А вы будто не знаете? – Стражник удивленно посмотрел на эльфийку. – Об этом же на каждом перекрестке кумушки с утра до вечера талдычат!

– Мы по дороге пропустили все перекрестки, – вежливо улыбнулась Миралисса, блеснув кляками.

– Дык говорят, что несколько недель назад на дворец короля напал Неназываемый!

– Так уж и Неназываемый? – недоверчиво хмыкнул Дядька и усмехнулся в густую седую бороду.

– Угу, как есть Неназываемый! А еще пять тысяч его прислужников! Если бы не гвардия и Алистан Маркауз – убили бы короля!

– Так уж пять тысяч? – опять недоверчиво хмыкнул Дядька и почесал плешистую голову.

– Народец говорит, что пять, – немного смутился разговорчивый стражник, похоже только сейчас начинавший понимать, что пять тысяч число довольно большое.

На самом деле на дворец Сталкона напало не пять тысяч, а всего лишь человек триста, и, естественно, без всякого Неназываемого. Шаманов пара штук была, а вот Неназываемого я что-то в ту ночь не разглядел. Будь во дворце маг, познавший тайну бессмертия Кронк-а-Мора, никого бы из нас уже не было в живых.

– Ну-ну, – хохотнул Дядька, присутствовавший, как и все мы, во дворце той памятной ночью, когда сторонники Неназываемого решили попробовать на зуб королевскую гвардию.

– А очередь-то у ворот тут при чем?! Нападение ведь было в Авендуме, а ворота-то в Ранненге?! – не выдержал Халлас.

– Король, да просидит он на троне еще сотню лет, отдал приказ об усилении бдительности! Вот мы и бдим!

– Да если мимо них протокает армия орков, они ее и не заметят, – тихонько прошептал мне на ухо Кли-кли.

Гоблин был прав, потому как весьма сомнительно, что обычный стражник сможет распознать в проходящем мимо него человеке сторонника Неназываемого. Сочувствующие главному врагу Валиостра изменники до поры до времени ничем не отличаются от других мирных обывателей.

– Это хорошо, что вы так добросовестно несете службу! Королевству должно быть спокойнее, когда в его городах такая стража, – сказала Миралисса.

Халлас хотел презрительно фыркнуть, выразив свое отношение к доблестной страже, но получил от Делера кулаком в бок и, поперхнувшись, заткнулся, при этом чуть не выронив изо рта трубку.

Толпа за нашими спинами зашумела еще сильнее:

– Что такое?! Почему задержка?!

От ворот к нам шел хмурый воин с нашивками капрала. К милой беседе сегодня он был явно не расположен.

– Да погоди ты, Мис, – невзирая на звание отмахнулся от капрала говорливый страж. – Видишь, леди эльфийка новостями интересуется!

Капрал споткнулся, разглядев наш пестрый отряд. Зеленый голубоглазый гоблин, три темных эльфа, хмурый рыцарь, девять воинов, один из которых вроде бы гном злобного вида, а другой – вроде бы карлик в нелепой шляпе-котелке. Плюс худой тип с явно воровской рожей. Не каждый день встретишь в городе такую компанию.

– А-а... – протянул капрал, подбирая слова. – Ну раз так... Не будем вас задерживать. – Еще одна улыбка Миралиссы.

– Так мы можем проехать?

Улыбка эльфа способна ввести неподготовленного человека в долгий ступор, особенно если он раньше не видел эльфийских клыков, двумя белесыми клинками торчащих из-под нижней губы.

– К-конечно, можете проезжать. – Капрал махнул рукой в сторону ворот, чтобы стражники нас пропустили. – Но помните, оружие в черте города имеет право носить только городская стража и эльфы!

– А дворяне и солдаты? – молчавший все это время Угорь изумленно вскинул бровь.

– Кинжалы и ножи допустимого размера – это единственное исключение.

– Но мы на службе у короля! Мы не наемный отряд!

– Простите, закон один для всех, – безжалостно отрезал капрал.

Слышал я об этом законе, он появился лет триста тому назад. Потасовки в Ранненге в то время вспыхивали со скоростью лесных пожаров. Времечко было беспокойное, три дворянских дома грызлись за власть, и когда в бучу, оторвавшись от важных государственных дел, все же вмешался король, трупов на улице было поболее, чем на поле Сорна после битвы гномов и карликов. Половина графов, баронов, маркизов и прочей мелочи, в жилах которой текла дворянская кровь, полегло на улицах города. Но другая половина – вот жалость – осталась, и до сегодняшнего времени Кабаны, Обуры, Соловьи и их сторонники точили зуб друг на друга. Так что те, кто теперь таскает с собой по городу железки с руку величиной или, не дай Сагот, арбалет, рискуют нарваться на очень большой штраф и пару деньков отдыха в неудобной тюремной камере. Последнее обстоятельство являлось великолепным отрезвляющим средством для гос-

под дворян. Побывав в местах сырых и унылых до невозможности, милорды на какое-то время становились тихими и кроткими, как ягнята.

– Но как же так... – начал было протестовать Фонарщик, который сразу же всей душой воспротивился такому закону.

Мумр нигде не расставался со своим огромным биргризен¹, а тут выходило, что в Ранненге Мастеру длинного меча придется запрятать страшную железяку куда подальше и обходиться коротким ножичком.

– А я ведь даже не спрашиваю вас, по какому делу вы приехали в наш город и какому дому будете здесь служить. – Стражник многозначительно посмотрел на нас.

– Мы не собираемся поступать на службу к дворянским домам, – отрезал милорд Алистан.

– Мне все равно, милорд рыцарь. – Капрал примиряюще поднял обе руки. – Не служите, так не служите. Ваше право. Вот только первая мысль, которая приходит в голову, когда видишь новый вооруженный отряд в городе, что кто-то из домов нанял себе на службу еще нескольких рубак.

– В городе опять беспокойно? – спросила Миралисса, перекидывая толстую пепельную косу через плечо.

– Есть немного, – кивнул стражник. – Соловьи с Кабанами совсем недавно устроили потасовку в Верхнем городе. Двух баронов распорол от шеи до пупка. М-м-м... Прошу прощения, если смутил, леди эльфийка.

– Ничего страшного и спасибо за ответы, любезный. Так мы можем проехать?

– Да, миледи. Вот вам бумага, она поможет избежать вопросов патрулей. – Капрал достал из деревянного футляра, висевшего у него на бедре, свернутую грамоту и протянул эльфийке. – Здесь говорится, что вы только что прибыли в наш славный город и не успели убрать оружие. Добро пожаловать в Ранненг!

– Вот вам. За службу. – Эграсса, свесившись с лошади, сунул капралу в ладонь монету.

– Благодарс-с-с... – стражник не договорил. Он увидел, какую монету вручил ему эльф, и застыл, как статуя в королевском парке.

Не каждый день капралу выпадает подержать в руке полновесный золотой. Чую, что сегодня в караулке будет праздник и ни один стражник к полуночи не сможет устоять на ногах.

Оставив позади себя изумленную и несказанно обрадованную щедростью темного эльфа стражу, отряд проехал ворота и очутился в Ранненге.

* * *

Как только мы оказались внутри городских стен, Халлас ринулся вперед, но его тут же остановил грозный окрик Маркауза:

– Куда?!

– Зуб выдирать, милорд Алистан! Сил нету терпеть! – застонал гном.

– Вначале в трактир, оставишь там оружие, а уж потом иди к цирюльнику! – приказал гному Дядька.

Халлас нахмурился, мучительно соображая: почему он не может пойти к цирюльнику вместе с любимой боевой мотыгой²? Думаю, глупым людским законам, не позволявшим таскать оружие в черте города, гном не придал никакого значения.

¹ **Биргризен** (гном.) – игра слов. Бир – руки, гризен – меч. Буквально – двуручный меч. Огромный меч, лезвие которого может быть от полутора до двух ярдов в длину, с массивной рукоятью, тяжелым, обычно круглым противовесом и широкой крестовиной. Иногда возле крестовины оружейники добавляли массивные клыки-отроги для остановки продвижения клинка противника вскользь.

² **Боевая мотыга** – основное оружие гномов, относится к разряду комбинированного оружия и включает в себя боевой

– Штраф за тебя платить кто будет? Я, что ли? – пояснил гному Делер.

Только карлик в доступной и простой манере способен объяснить родственнику-гному, где тот может потерять золотые.

– А сколько штраф-то? – мучительно морщась, спросил Халлас.

– Шесть золотых, – ответил за Делера Горлопан.

– У-у, – протянул гном, с тоской разглядывая проходящий мимо нас отряд стражи.

– Ну ты можешь, конечно, идти к цирюльнику, а мотыгу отдать мне, – с совершенно невинным видом, предложил Халласу Делер и подмигнул ухмыляющемуся Кли-кли.

Это решило дело.

– Чтобы гном доверил оружие карлику?! Не бывать этому! Где ваш проклятый тьмой трактир?!

Гном стукнул пятками лошадку и пристроился сразу за Маркаузом и Миралиссой, ненавязчиво пытаясь хоть немного поторопить командиров отряда.

С улочки, начинающейся у городских ворот, мы свернули на широкую улицу, ведущую в самое сердце города. Трактир, в который вела нас Миралисса, находился на одном из холмов Ранненга, и пока мы до него добирались, я вовсю крутил головою, изучая улицы.

На улочке, начинающейся у памятника защитникам Ранненга, погибшим в Войну Весны, нас остановила стража, но, увидев бумагу, выданную капралом, разочарованно отстала.

– Во! Видал? – обернулся к Халласу Сурок. – Где бы ты оказался, если бы тебя сцапали с мотыгой и без такой бумаги?

– Да я бы их всех, если что! – запальчиво возразил гном.

– А потом они тебя за бороду, – не согласился Делер.

Халлас свирепо глянул на напарника и усиленно запыхтел трубкой, ставя в памяти зарубку: припомнить когда-нибудь Делеру его выпад в сторону главной гордости любого поряточного гнома – его бороды.

– Ладно, – неожиданно крикнул Горлопан. – Мне родственников надо провести, встретимся в трактире!

– А у нее подружки нет? – хитро ухмыльнулся Арнх. Горлопан бросил удивленный взгляд на высокого лысо, воина и переспросил:

– У кого нет подружки?

– Кто о чем, – обреченно вздохнул Сурок. – Вы бы лучше не о бабах думали, а о том, что нам делать дальше!

– Мышку корми! – в один голос ответили на реплику Сурка Горлопан и Арнх.

– Да кормлю, кормлю, – вяло отбилась от обоих Сурок и пересадил линга³ с одного плеча на другое.

– Ты хоть найти-то нас потом сможешь, Горлопан? – Арнх отбросил шутки в сторону и теперь говорил совершенно серьезно.

– Обижаешь! Я вырос в Ранненге, каждую улочку тут знаю. Неужели «Ученую сову» не найду?

– Ну смотри! – Уроженец Пограничного королевства хмыкнул. – Только Дядьке скажи, чтобы он потом тебе шею не намылил.

– Уже давно сказал. Свидимся!

– Подружке привет! – крикнул Арнх, но Горлопан уже смешался с толпой, оставив свою лошада на попечение недовольного таким неожиданным подарком Фонарщика.

Мы ехали по одной из центральных улиц города, – вот уж не знаю, как она называлась, – но народу на ней было, как гголов на заброшенном кладбище.

молот, чекан и малый топор на коротком древке, обычно оплетенном стальной нитью.

³ **Линг** – зверек из тундры Безлюдных земель, похожий на большую лохматую крысу с огромными зубами и когтями.

– Праздник у них, что ли, какой-то? – пробурчал Фонарщик, обозревая толпу не самым дружелюбным взглядом.

– А то! – ответил всезнайка Кли-кли. – Неделя экзаменов в Университете. Весь город гуляет.

– Угораздило же нас, – тоскливо сказал я. – Терпеть не могу толпу!

– Я думал, что ты вор, – протянул гоблин.

– Ну вор, – ответил я ему, немного не понимая, куда клонит королевский шут.

– Я думал, воры любят толпу.

– Это еще почему я должен любить давку?

– Я думал, что в давке кошельки воровать сподручнее, – пожал плечами Кли-кли.

– Не мой уровень, – фыркнул я. – Я кошельками, дражайший дурак, не промышляю.

– Угу, ты промышляешь Заказами, – хихикнул мерзкий гаденыш. – Ты знаешь, Гаррет-баррет, по мне уж лучше таскать кошельки с медяками из карманов простофиль, чем получить твой теперешний Заказ.

– Иди Халласа доставай, – зарычал я на гоблина.

Кли-кли ткнул меня в больное место. В последний Заказ, Заказ короля, я вляпался под звуки боевых фанфар. Самое гадкое в этой истории то, что выбор у меня был небольшой. Либо уютная камера в Серых камнях, а затем топор палача, либо королевский Заказ. Я, немного подумав, выбрал последнее, хотя спустя некоторое время с начала нашего путешествия из Авендума к лесам Заграбы начал жалеть и размышлять: правильный ли выбор я сделал? Уж лучше быстрая смерть под топором или пожизненное заключение в сырой камере, чем поджидающая нас в могильниках Храд Спайна тьма и неизвестно какие прелести. Призрачных надежд и золотистых иллюзий на счет успешности нашей миссии я не питал. Залезть в сердце орочьей Заграбы, проникнуть в Костяные дворцы, спуститься на восьмой ярус могильников, найти тьмой проклятый Рог Радуги, без которого, видите ли, королевство отбросит копыта, да еще и вернуться назад! Это попросту не-воз-мо-жно! Не понимаю, на что рассчитывал король, посылая наш немногочисленный отряд в такое путешествие? Или он надеялся, что удача на нашей стороне и мы проберемся там, где споткнулись две предыдущие экспедиции? (Первая вообще не дошла – всех посекали орки, а от второй осталось от силы пять человек плюс сошедший с ума волшебник, единственный, кто умудрился выжить в Храд Спайне и выбраться из подземных глубин наружу.)

Ладно, поздно плакать. Я принял Заказ – видно, в то время немного тронулся умом со страху, – и теперь обратного пути у меня не было. Принимая Заказ, мастер-вор берет слишком большие обязательства не только перед клиентом, но и перед Саготом. Так что горе тому, кто решится без веской причины бросить Заказ и обмануть своего заказчика. Бог воров враз перекроет такому проходимцу воздух, пусть и не в буквальном смысле этого слова.

Так что, приняв Заказ, я нахожусь в Ранненге, на полдороге к лесам Заграбы и Храд Спайну, а не потрошу сундуки богатеев и дома ценителей редкостей Авендума.

– Гаррет! – Фонарщик оторвал меня от раздумий. – Что это ты загрустил?

– Это его обычное состояние духа, – бесцеремонно влез в разговор королевский шут. – Наш Танцующий в тенях в последнее время слишком мрачен и угрюм.

– Зато кто-то у нас весел и счастлив, – буркнул я. – Как бы ты не накаркал чего не надо.

– Каркает у нас Горлопан, – не согласился со мной Кли-кли. – Я же говорю только то, что есть на самом деле.

– А еще цитируешь предсказания объевшихся мухоморами шаманов гоблинов, – ответил я шуту. – Все их пророчества про Танцующего в тенях не стоят тухлого яйца воробья!

– Поздно отбрыкиваться! Ты сам принял имя «Танцующий в тенях», прямо как в пророчестве! Книга Брук-грук ни разу не врала! – запальчиво начал Кли-кли, но, поняв, что я всего лишь дразню его, обиженно умолк.

У Кли-кли одно слабое место – обожаемая им Книга Пророчеств гоблинов, которую он знает от корки до корки. И какая тьма меня дернула согласиться, чтобы гoblin называл меня Танцующим в тенях? Теперь, видите ли, я не вор Гаррет, а ходячее пророчество, которому суждено спасти королевство и весь мир. Ага. Как же! Будь моя воля, я бы его не спасал, а грабил.

– Ты лучше скажи, Кли-кли, – встрял в разговор Арнх, – есть в твоей книжонке, написанной шаманом Трю-трю...

– Тре-тре, а не Трю-трю, неуч! – возмущенно перебил лысого воина гoblin.

– Написанной шаманом Тре-тре, – как ни в чем не бывало продолжил Арнх, но гoblin его снова перебил:

– Великим шаманом Тре-тре!

– Хорошо. Написанной великим шаманом Тре-тре. Так есть там хоть что-нибудь, кроме твоих обожаемых пророчеств?

– Например? – Кажется, уроженцу Пограничного королевства удалось сбить гоблина с толку.

– Ну, например, как лечить больные зубы у гномов?

Халлас, вновь поравнявшийся с нашей группкой, услышал разговор Арнха и Кли-кли и наострил уши, хотя постарался сделать вид, что ему это совсем не интересно.

Кли-кли заметил прислушивающегося к разговору Халласа и улыбнулся улыбочкой «сейчас что-то будет». Эта улыбка возникала на физиономии гоблина, когда он совал кому-то в сапог колючку или устраивал другую не менее неприятную пакость.

Шут выдержал такую театральную паузу, что Халлас от нетерпения стал ерзать в седле, а затем, когда гном уже был готов вскипеть от злости, Кли-кли изрек:

– Есть.

– И что же это такое? – спросил я, отчаянно дергая уздечку и пытаюсь направить Пчелку так, чтобы она больше не шла между Кли-кли и Халласом.

Гoblin как пить дать затевал какую-то гадость, и я не собирался находиться на пути полета тяжелых предметов, когда бородатый гном решит пустить кровь королевскому шуту.

– О! – загадочным голосом изрек Кли-кли, довольно ухмыляясь. – Это очень действенная штука. Ее в принципе можно было использовать в самом начале болезни Халласа, и зуб сразу бы прошел! Клянусь шляпой великого шамана Тре-тре, если это не так, Гаррет!

– Так чего же ты молчишь, душегуб! – Гном взревел так, что переполошил половину улицы.

Дядька обернулся и грозно показал нам кулак, затем ткнул пальцем в сторону Алистана и провел ребром ладони себе по горлу.

– Заканчивай балаган, Кли-кли, – беззлобно сказал Сурок гoblinу. – Люди смотрят.

– Все, больше ни словечка, – клятвенно пообещал гoblin, жестами показывая, будто закрывает рот на замок.

– Как ни словечка? – возмутился гном. – Делер, скажи, этому зеленому, что, если он не даст мне лекарство, я за себя не ручаюсь!

– Он правду говорит, Кли-кли, – хмыкнул карлик. – Гномы – это такое шелудивое племя, они маму родную из-за больного зуба прибьют, не то что какого-то королевского шута.

– Я не какой-то! Я единственный королевский шут! – с нескрываемой гордостью произнес гoblin, как будто эта должность могла спасти его от рук скорого на расправу гнома.

– Это гномы шелудивое племя? – Халлас враз забыл о гoblinе и обратил все свое внимание на Делера. – Да вы, карлики, только и делаете, что жируете в горах, которые принадлежат нам по праву!

– Заканчивай балаган, Делер, – опять повторил Сурок.

– А я что? – Делер пожал плечами. – Я ничего. Я вообще молчу! Это Халлас чего-то взъелся!

– Вот и молчи! Я сейчас не с тобой разговариваю, морда в шляпе! – отрезал гном. – Ну, Кли-кли, какое средство?

Кли-кли перевел голубые глазищи на гнома и с крайне сомневающимся видом произнес:

– Не уверен, что гоблинский способ лечения зубов тебе понравится, Халлас.

– Ты можешь просто сказать, Кли-кли?! Без всякого там «не уверен»?

– Ты все равно им не воспользуешься, – продолжал ломаться Кли-кли. – А мне зря придется раскрыть страшную гоблинскую тайну лечения зубов.

– Я обещаю, что воспользуюсь твоим способом прямо сейчас! – Гном из последних сил сдерживался, чтобы не открутить Кли-кли голову.

По зеленой физиономии Кли-кли от уха до уха растянулась улыбка, и гоблин сразу же стал походить на жутко довольную лягушку.

Я еще отчаяннее заработал уздечкой, придерживая Пчелку, пока не очутился рядом с Фонарщиком, оставив Кли-кли и Халласа впереди себя мой гениальный маневр не остался незамеченным, и Сурок, Делер и Арнх в точности его повторили. Халлас и Кли-кли остались наедине, потому как желающих очутиться между молотом и наковальней среди нас не было.

– Учти, ты обещал воспользоваться способом гоблинов! – напомнил гному Кли-кли. – Так вот, чтобы вылечить больной зуб, надо взять стакан ослиной мочи и часок подержать ее во рту, а затем выплюнуть через левое плечо, желательно в правый глаз лучшему другу. Зубную боль как рукой снимет!

Ожидаемого взрыва не последовало. Халлас лишь зло посмотрел на гоблина, смачно харкнул под копыта его коня и послал лошадь вперед. По-моему, Кли-кли немного расстроился. Он, как и все, ожидал от гнома громов и молний, которые обычно в большом количестве появляются во время споров Халласа и Делера.

– Скажи мне, друг Кли-кли, – спросил я у приунывшего гоблина, – а сам-то ты этот способ пробовал?

Шут посмотрел на меня как на умалишенного:

– Я похож на идиота, Гаррет?

Я так и знал, что услышу от него что-то в этом роде.

* * *

– Трепещи, Гаррет, – сказал Медок.

– Трепещу, – ответил я, не спуская глаз с фонтана Королей.

А на фонтан стоило посмотреть! Раньше я много слышал о нем, но увидеть это чудо довелось впервые.

Огромный водяной столб пятидесяти ярдов в высоту считался одной из достопримечательностей Ранненга. Фонтан занимал целую площадь, и его ревущие струи устремлялись высоко в небо, а затем падали вниз, разбиваясь водяной дымкой, тонкой пеленой висящей над всей площадью. Водяная пыль и солнечные лучи сливались в жарких объятиях и создавали радугу, гибким мостом пересекающую небо над площадью на две половинки, а затем ныряющую в фонтан.

Как говорили знающие люди, при создании мастерами-карликами этого чуда не обошлось без помощи Ордена. Только магия способна создать водяной столб такой изумительной красоты и радугу, каждый день и в любую погоду, появляющуюся из водяных брызг. Казалось, протяни руку, дотронься до семицветного чуда, – и ощутишь всю хрупкость и воздушность небесного моста.

– Благодать, – довольно вздохнул Арнх, ловя свежесть, несущуюся к нам от фонтана.

– Угу, – ответил я.

Конец июня и половина июля выдались очень жаркими, настолько жаркими, что даже Арнх пару раз за время нашего путешествия снимал с себя любимую кольчугу. А для жителя Пограничного королевства, привыкшего носить броню чуть ли не с рождения, снять кольчугу – слишком большая жертва, так что можно себе представить, насколько ему было жарко.

К счастью, в последние несколько дней небывалая удушающая жара сгинула без следа, но все равно было достаточно оснований, чтобы опасаться за вскипание мозгов в черепушке. Поэтому возле фонтана, где властвовала прохлада, а воздух был свеж и чист, отряд блаженствовал.

Как подумаю, что после Ранненга нас вновь ждет путешествие под летним солнцем, так мне сразу становится очень нехорошо. Х'сан'кор знает что творится с погодой в этом году.

– Не задерживаемся! – Алистан даже не посмотрел на фонтан.

Нашего графа беспокоили намного более насущные дела, чем струя воды, бьющая из-под земли. Например, забота об отряде, командиром которого он являлся. На мой взгляд, король поступил совершенно правильно, доверив капитану своей гвардии вести нас к Заграбе, пускай Маркауз и остался недоволен таким решением его величества. Милорд Крыса до ужаса не хотел бросать короля в то время, когда Неназываемый вот-вот ринется походом на Валиостр из-за Игл Стужи. Оставить гвардию без капитана, который лучше всех сможет организовать охрану владыки королевства от различных неожиданностей, например таких, как нападение на дворец Сталкона сторонников Неназываемого той памятной ночью, о которой сегодня упомянул стражник возле ворот, было по меньшей мере глупо. Но король не очень-то хотел прислушиваться к мнению графа. На взгляд Сталкона, с охраной его королевской персоны способен справиться любой лейтенант, а вот довести людей до лесов Заграбы и могильников Храд Спайна может только граф Алистан Маркауз – один из трех, кому король мог всецело доверять. (Двумя другими приближенными, заслужившими доверие короля, были вездесущий королевский шут – гoblin Кли-кли, ставший маленьким проклятием нашего отряда, и глава магического Ордена – магистр Арцивус, старый волшебник, который являлся инициатором идеи «всучить Гаррету Заказ и отправить в Костяные дворцы», за что, как вы можете понять, я был архимагу «благодарен» до глубины своей воровской души.)

Совету Ордена, видите ли, втемяшилось в голову, что мага-отступника по имени Неназываемый, засевшего далеко в Безлюдных землях, можно остановить единственным способом – Рогом Радуги. Вот эту проклятую дудку я и должен добыть для Ордена и короля. Сталкон даже не пожелал слушать, что я всего лишь вор, а не грабитель могил.

Этот тьмой проклятый Рог все последние века прекрасно нейтрализовал магию Неназываемого, и тот не рисковал сунуть нос к нам в королевство, но волшебство Рога стало ослабевать, и Неназываемый зашевелился в снегах. Наш достославный Орден, по словам Кли-кли, не блеснул умом в тот момент, когда решил запрятать Рог Радуги в могиле родного брата Неназываемого – великого полководца прошлого Грока.

Могила Грока конечно же находилась за сотню лиг от Авендума, в Храд Спайне, который в те далекие времена еще был не настолько страшен. В общем, надежно запрятав Рог, Орден сам себе выкопал яму, правда, провалился он в нее только спустя двести с лишним лет.

Орден можно понять. В те далекие времена маги, раздувшиеся от собственной гордости и величия, попытались обратить силу Рога, нейтрализующего шаманство Неназываемого, против колдуна и в итоге сотворили с одним из районов Авендума Сагот знает что. Из Рога высвободилась такая гадость, что оставшиеся в живых маги смогли остановить ее только с помощью волшебной стены, оперативно построенной вокруг уничтоженного участка города. Теперь и поныне на Закрытую территорию никто не суется, а Рог, которым решили больше не рисковать, покоится там, где его просто невозможно достать, – в сердце Храд Спайна. Светлые головы Ордена как-то не подумали, что через какое-то время, пускай оно и измеряется веками, сила

Рога ослабнет и колдун, которого больше ничто не удержит в Безлюдных землях, устроит в нашем королевстве кровавую вьюгу.

Теперь пришло время расплачиваться за глупости прошлого, и я буду тянуть каштаны из огня за все королевство. Гаррет должен расшибить лоб в безнадежной попытке спуститься туда, куда вход смертным давным-давно заказан. Как говорит шут: «Нас ждет чудесное приключение». Склонен не согласиться с этим оптимистическим лозунгом. Меня ждет смертельное приключение, и я был бы рад переложить его на плечи моего маленького зеленого друга, но это попросту невозможно. Заказ получил я, а не шут, – мне теперь и отдуваться.

– Да что с тобой сегодня такое? – раздался у меня над ухом возмущенный голос Кли-кли. – Я тут, понимаешь, распинаясь перед тобой, как жаворонок перед петухом, а ты и ухом не ведешь!

– А ты что-то интересное балаболил? – спросил я.

– Балаболил, – фыркнул шут. – Я не балаболил, а описывал красоты этого славного города.

– Красот поблизости не замечаю, – буркнул я, осмотрев улицу, по которой мы сейчас ехали.

Улица как улица. Старенькие двухэтажные дома с обшарпанными стенами, правда, надо отдать должное жителям, не все дома казались такими уж старыми. Но красоты я все равно упорно не замечал. Не знай я, что нахожусь в Ранненге, предположил бы, что это Внешний город Авендума.

– Ты все красоты пропустил, пока думал, – возразил Кли-кли. – Но погоди, сейчас в парк приедем, там такие деревья, прямо как в Заграбском лесу!

– Ты тут бывал, Кли-кли? – спросил Фонарщик, подъехав к нам на своей чалой лошаденке по прозвищу Упрямица.

Лошадь Горлопана трусила за Упрямицей и недовольно пряла ушами, протестуя, что ее так бесцеремонно тащат за собой.

– Да, был я тут разок, – сказал Кли-кли, мечтательно причмокивая губами. – Выполнял задание короля.

Халлас от неожиданности поперхнулся и, позабыв о зубной боли, уставился на Кли-кли:

– Только не рассказывай мне сказок, гоблин! Я в жизни не поверю, что король мог тебе доверить важное дело!

– Бе! – Кли-кли показал гному язык.

– И все же, Кли-кли, расскажи свою байку, скучно ведь! Когда мы еще до трактира доедем, – попросил Сурок.

– Да тут ехать всего ничего! Сейчас через парк попадаем в Верхний город, это где Университет, магическая школа и прочая и прочая. В общем, райончик еще тот. Ехать совсем чуть-чуть осталось.

Гоблин попросту ломался и ждал, чтобы его еще немного попросили.

– Давай уж, не томи, – сказал Фонарщик.

– Угу, сейчас только придумаю, с чего начать, – милостиво согласился Кли-кли и нахохлился, делая вид, что мучительно вспоминает, с чего начинать свою историю.

– Гаррет, поддержи Непобедимого, я куртку сниму, – попросил меня Сурок.

– Давай, – согласился я, и Сурок перекинул линга мне на плечо.

Ручная лохматая крыса Сурка по кличке Непобедимый принялась, хрюкнула и, посопев, затихла на моем плече. Удивительно, но кроме Сурка линг из всего отряда не кусал только меня и даже позволял себя гладить, когда находился в благодушном состоянии духа.

Не знаю, отчего у лохматого грызуна Безлюдных земель вспыхнула ко мне такая любовь. По крайней мере видя, как крыса воет и пытается укусить Кли-кли за палец, когда он протя-

гивает к ней руки, я весело ухмыляюсь, чем очень раздражаю гоблина. Вот и сейчас он не смог смолчать:

– Ты поаккуратней с этим зверем, Гаррет. Он враз тебе ухо оттяпает!

– Ты историю обещал, Кли-кли, – напомнил я гоблину.

– А, ну да! В общем, год назад Обуры и Кабаны решили заключить союз и устроить Соловьям кровавую ночь. В Ранненге должна была начаться буча, а Сталкону это невыгодно. Начнут с Соловьев, а закончат королем. Поэтому меня сюда и прислали.

– И наш воистину бесстрашный друг всех победил! – хохотнул Делер.

– У вас, карликов, фантазии на медный грош! – фыркнул Кли-кли. – Меня сюда прислали сделать так, чтобы Кабаны рассорились с Обурами, а Обуры – с Кабанами. И чтобы эти дворянские шайки больше никогда и не подумывали о союзе... Что я и сделал! – Последние слова гoblin произнес не без гордости.

– И как же ты это провернул? – хмыкнул я, возвращая линга Сурку.

– А точно так же, как ты в истории с Конем Теней. По плану – «Натрави всех на всех»!

Да, в той истории, о которой упомянул шут, я выкрутился блестяще. В то время, если выражаться образно, я летел над мостовой, практически касаясь ее щекой. Дюймом ниже – и все...

Все началось с того, что, используя одно не очень хорошее заклятие, позаимствованное из закрытого хранилища Королевской библиотеки, я каким-то непостижимым образом изгнал из Авендума демонов, промышлявших ночной охотой на мирных горожан. То есть я сделал то, что в течение целого месяца не смогли сделать все маги Ордена. Демоны исчезли. Ну, или почти исчезли. Осталось две самых стойких твари, на которых заклятие отчего-то не подействовало. И они взяли меня в оборот, прижав к стене в буквальном смысле этого слова.

Двум братцам-демонам потребовался артефакт под названием Конь Теней. Артефакт обладал такой властью, что демон, заполучивший его, стал бы настолько сильным, что смог бы управлять всеми демонами тьмы. Естественно, каждый братец хотел заполучить Коня себе, а Гаррет попал между двух огней. К этому времени Коня успели спереть у одного из магов Ордена ребята Маркуна, являвшегося в то время главой воровской гильдии Авендума. Воры, недолго думая, попросту пришили волшебника и отдали Коня Маркуну. Слизняк-Маркун, завладевший артефактом, подставил своего главного врага, то есть меня, первым владельцам Коня – доралиссцам, которые жаждали вернуть реликвию назад, в степи Унгавы. Совершенно понятно, что после этого Гаррету не давали проходу на улицах и порывались разбить голову в самые неожиданные моменты. А тут еще и Орден очнулся.

В итоге события завязались в такой тугой клубок, что я его еле-еле распутал. Но распутал! Всего-то надо было собрать в одном месте и в одно время Маркуна с его ребятами, стадо доралиссцев, братцев демонов и тяжелую кавалерию Ордена.

Итогом ужасной бучи, вспыхнувшей на месте встречи заинтересованных сторон, стало то, что Маркун с большинством своих ребят отправился во тьму, доралиссцам обломали рога, демоны разнесли весь трактир на дрова и чуть было не добрались до меня, а прибывшие в разгар сражения маги Ордена завладели ситуацией, Конем и братцами-демонами, заковав их в некое подобие магической тюрьмы размером не больше яблока.

Таким образом, применив старый как мир прием – натрави всех на всех и живи спокойно, – я вышел сухим из воды, да к тому же еще и вернул Ордену Коня Теней, хотя получил за это от магистра Арцивуса всего лишь скупое спасибо.

– Натрави всех на всех? Это он о чем, Гаррет? – не понял Фонарщик.

– Не бери в голову, Мумр, – отмахнулся я, не желая сейчас распространяться насчет того дела. – И насколько твоя задумка понравилась Обурам и Кабанам, Кли-кли?

– Ты знаешь, в чем странность, Гаррет? Моя задумка им абсолютно не понравилась! – весело хихикнул шут. – Особенно Обурам. Господа дворяне расстроились, узнав, что один из

графов-Кабанов отдает свою дочурку за Соловья, и Обуры недолго думая устроили Кабанам горячую помолвку! Те в долгу не остались и прирезали парочку Обуров. Такой кавардак в городе начался, что ни о каком союзе и речи больше быть не могло! Дворяне юга снова потихоньку грызутся, вспоминая давние обиды, а мой король не беспокоится за целостность трона. Бунт и гражданская война откладываются на неопределенный срок, а все королевство идет благодарить шута за мир и спокойствие в Валиостре!

– А наш шут парень хоть куда! – хмыкнул, звеня кольчугой, Арнх.

Нашему королю дворяне юга были словно рыба кость в горле. Проглотить больно, а выплюнуть нельзя – может стать еще хуже. Потому как если милордов дворян оставить без присмотра, то они того и гляди снюхаются с западными провинциями, и тогда пропал трон. Как только спорам и интригам придет конец, дворянам, а тем более дворянам, объединившимся в союз, делать станет абсолютно нечего, и они начнут искать, куда бы направить лишнюю силушку.

Во времена отца нынешнего короля уже был неприятный случай, когда западные дворяне решили свергнуть династию. Не нравилось им, видите ли, что король не хочет отдать Спорные земли Мирануэху. К счастью, тогда у мятежников ничего не получилось. Королевские гвардейцы устроили бунтовщикам сюрприз, появившись в самый неожиданный для них момент. Дворяне юга не поддерживали мятеж западных соседей. Кабаны, Соловьи и Обуры были слишком заняты друг другом, чтобы обращать внимание на призывы поучаствовать в заговоре. У ранненгских ребят своих заговоров не перечесть, так зачем же связываться с королем?

Пока дворяне грызутся между собой и не вспоминают, что на юге Валиостра есть несколько родов, которые могут поспорить своей древностью с родом короля, Сталкону опасаться нечего.

Мы миновали парк, заросший исполинами-дубами. Мне даже не верилось, что такие деревья могут расти в городской черте, а не в лесу. В Авендуме даже на территории королевского дворца больших деревьев не было, не говоря уж о других районах города. С теми холодами, что приходят к нам вместе с ветрами из-за Холодного моря и Безлюдных земель, все деревья зимой в один миг отправятся на дрова. Народец из Портового города и Пригорода⁴ быстро бы оставил от деревьев одни пеньки.

Дорога стала взбираться на холм, и, выехав из парка, мы очутились в районе Ранненга, который напрямую примыкал к Университету и школе Ордена. Тут дома были поновее и покрасивее, чем те, мимо которых мы проезжали раньше. Но народу на улице было все равно тьма тьмущая. Больше, чем блох на немой собаке, это уж точно.

Прежде чем мы достигли трактира, облюбованного Миралиссой еще во время ее прошлых путешествий по Валиостру, гном пару раз успел поругаться с пешеходами, крутившимися возле лошадей, и один раз привлечь к отряду ненужное внимание очередного отряда стражи, за что Дядька получил нагоняй от Маркауза. Отдуться за всех десятник Диких Сердец не захотел и устроил разнос гному. Халлас надулся, встопорщил бороду и замолчал, лишь его черные глазки злобно сверкали из-под насупленных бровей. Но разнос пошел гному впрок, весь остальной путь мы проделали без происшествий и, проехав еще два квартала, оказались возле цели такой долгой поездки по городу.

Отгороженный от улицы забором трехэтажный трактир был очень большим и солидным заведением.

– Чтоб я лопнул! – присвистнул Делер, оглядывая наше временное место жительства. – Раз тут такой домище, то и кухня должна быть огромной! А огромная кухня, – это верный признак хорошей еды! Как думаешь, Халлас?

⁴ Портовый город, Пригород – части Авендума.

Гном бросил тоскливый взгляд на напарника – зубная боль причиняла бедняге кучу мучений, отнявших у Халласа силы спорить и ругаться.

– Твоя правда, Делер, – прогудел гигант Медок. – Хватит нам есть Дядькину и Халласову снесь. Эх, сейчас бы молочного поросеночка с хреном! Э-эх!

Медок мечтательно провел рукой по желтым волосам, из-за которых он и получил свое прозвище.

– Будет, господин хороший! Всенепременно будет вам молочный поросеночек! И даже два! Думаю, такой богатырь, как вы, одним не насытитесь! – ответил воину невесть откуда взявшийся пузатый краснолицый человек. – Доброго дня, леди Миралисса! Счастлив вас снова лицезреть в моем наискромнейшем заведении!

– И я рада видеть тебя живым и здоровым, мастер Пито, – вежливо улыбнулась эльфийка. – Как идут дела в трактире?

Халлас весьма громко застонал, намекая, что любезности и вопросы нужно отложить до того срока, как он разберется с больным зубом. Мастер Пито недоуменно покосился на хмурого гнома, но намека, увы, не понял:

– Да живем потихоньку, кое-как сводим концы с концами.

– Ну не приbedняйся! – улыбнулся Элл и спрыгнул с лошади. – Ты за полгода, пока мы отсутствовали, даже потолстел!

– Куда там, – протестуя отмахнулся от слов эльфа-телохранителя Миралиссы трактирщик. – Это все от бед! О! Треш Миралисса привела в мое заведение новых спутников? А где же те, что были у меня в прошлом году? Я вижу только господ Эграссу и Эллу.

– Их больше нет, – неохотно произнесла Миралисса.

Я не знаю этой части истории, но из тех отрывочных фраз, что роняла темная эльфийка в разговоре со мной, понял, что все ее спутники, кроме Эграссы и Эллы, выехавшие с ней из лесов Заграбы, остались в снегах Игл Стужи. Живыми из Безлюдных земель выбрались только трое эльфов да десяток Дядьки, с которыми Миралисса и прибыла в Авендум. Дикие Сердца, сопровождавшие эльфов от самого Одинокого Великана, отправились с нами.

– Беда-то какая! – заломил руки трактирщик. – Как же это?!

– Лучше покажите нам наши комнаты, мастер Пито, – сказал Эграсса.

– О! – Трактирщик понял, что затронул болезную тему. – Покорнейше прошу простить мое любопытство! Следуйте за мной, господа хорошие! Одного вашего спутника я уже поселил. И пива налил!

– Кого это вы поселили, любезный мастер? – подозрительно сощурился Маркауз, и его рука упала на меч.

– Я что-то не так сделал? – испуганно зачастил трактирщик, остановившись как вкопанный. – Он пришел, сказал, что с вами и...

– Кто пришел-то, мастер Пито? – перебил трактирщика граф Алистан.

– Да я пришел, милорд Маркауз, я! – Горлопан вышел с кружкой пива из двери трактира.

– Ого! – Арнх втянул в себя воздух. – Ну ты прямо как молния! Я тебя к вечеру ожидал, а ты так быстро обернулся!

– Как подружка? – Фонарщик прошел мимо Горлопана и, не услышав его ответа, скрылся в трактире.

– Да не к подружке я ездил! – вяло попытался отбиться Горлопан.

– Угу! Ты ездил по грибы! – Сурок последовал за Мумром.

– Проходите, господа, проходите! – Пито вновь обрел почву под ногами. – Все комнаты уже приготовлены!

Кли-кли обвел отряд взором голубых глаз и изрек:

– Никто не возражает, что я размещусь в комнате Гаррета и Фонарщика?

Возражающих конечно же не нашлось. Уже все в отряде знают народную мудрость: чем дальше спишь от гоблина, тем крепче твой сон. Когда по соседству со спящими нет Кли-кли, то им не надо ожидать ведра холодной воды в самый неподходящий момент.

– Если Кли-кли извращенец, то это его дело! – пробурчал Халлас, проходя мимо нас.

– Я-то страдаю по жребию, а ты чего решился? Одного раза не хватило? – спросил я у гоблина.

– А может, я получаю эстетическое наслаждение от храпа? – задал мне встречный вопрос Кли-кли.

– Ну-ну, – недоверчиво хмыкнул я.

В самом начале нашего путешествия из Авендума Дикие тянули жребий, кому уготовано судьбою спать с Фонарщиком в одной комнате до самого конца путешествия. Жребий, по закону всемирного свинства, выпал мне, и о той подлости, что меня поджидала, я узнал только ночью. Вся беда заключалась в том, что Фонарщик ХРАПЕЛ. Именно так. Храпят многие люди в нашем мире, но ХРАПЕТЬ умеют лишь единицы. Фонарщик относился именно к последним личностям и отличался странной особенностью храпеть лишь в помещении. На природе, в полях или лесах, из Мумра нельзя было вытрясти ни звука храпа, но как только он оказывался под крышей...

Первую ночь уснуть было попросту невозможно, но в следующий раз мне удалось раздобыть затычки для ушей, и сон мой стал спокойным и нерушимым. Чего не скажешь о Кли-кли, который присоединился к нашей пестрой компании немного позже, чем все остальные, и попросту не знал, как и я поначалу, о скрытых талантах Мумра. Естественно, гоблин тоже намучился. Все остальное путешествие мы провели под открытым небом, и Фонарщик нас не беспокоил. Но Кли-кли до сих пор вспоминал могучий и нерушимый храп Мумра, поэтому было немного странно, что он решил улечься по соседству с Фонарщиком, а не поискать местечко где-нибудь в другом месте. Склонен полагать, что пытливый гоблинский ум придумал очередную каверзу и в эту ночь не будет спать уже Мумр, а не Кли-кли.

– Ты идешь? – Кли-кли остановился у входа в трактир и взглянул на меня.

– Угу, – бросил я и переступил порог заведения.

Размерами зал трактира не уступал маленькой площади. Люстры со свечами под потолком, ажурные, но крепкие стулья, длинные скамьи и кражистые столы. На одной из стен висела огромная фигура совы, вырезанная из цельного ствола дерева. Лестница, ведущая на второй этаж, стойка, крепкая дубовая дверь на кухню.

– Много у вас постояльцев, мастер Пито? – спросил граф Маркауз, снимая кожаные перчатки и бросая их на ближайший столик.

– Никого, кроме вас, – не моргнув глазом сказал трактирщик.

– Вот как? – изумленно вскинул бровь капитан королевской гвардии. – Дела действительно идут так плохо?

– Не волнуйтесь, милорд! – Трактирщик хитро улыбнулся. – Треш Миралисса оплатила содержание трактира на два года вперед.

– Мы решили сделать из «Ученой совы» то, что вы, люди, называете штаб-квартирой, – поясняя слова Пито, сказал Эграсса. – Кузина заплатила мастеру Пито, чтобы он пока никого здесь не селил, а без других постояльцев мы можем чувствовать себя более комфортно.

– Мастер Пито, – Мумр оперся на свой огромный биргризен, – нам бы пивка.

– Всенепременно! – засуетился трактирщик. – Только железяку, которую вы, господин хороший, в пол воткнули, вытащите, а то вы мне все заведение попортите.

– А к пиву баньку, – поддакнул Дядька.

– И поросенка, – вставил Медок.

– Все будет буквально через пять минут! – Трактирщик бросился раздавать поручения прислуге.

Я прошел к дальнему столику, блаженно откинулся на спинку стула и, поколебавшись, достал из дорожной сумки планы Храд Спайна. Я до сих пор не смог нормально изучить карты глубоких подземных лабиринтов могильников. Сейчас у меня выпала минутка наконец-то заняться изучением бумаг, которые с таким трудом попали в мои руки.

После того как Рог Радуги дал сбой во время безумной попытки Ордена уничтожить Кронк-а-Мор, самое страшное шаманство отров, которым по какой-то ошибке богов завладел Неназываемый, волшебники спрятали Рог в Храд Спайне. А все планы, карты и подходы к тайнику маги оставили в старой башне Ордена, находящейся за волшебной стеной, в Закрытой территории Авендума. Я даже не хочу вспоминать, чего мне стоила небольшая ночная прогулка по местам, где царит зло и проклятие древнего шаманства огров. Выжил я в Запретной территории лишь по милости богов. Я прошел по узенькому карнизу между светом и тьмой и чуть не остался вместе с добытыми бумагами в старой разрушенной башне Ордена на веки вечные. Ради старых карт пришлось совершить то, что никому еще не удавалось раньше: Гаррет-тень прошел Закрытую территорию насквозь. Мало того что появился повод гордиться собой, так я еще и намного увеличил свои шансы на успех в выполнении Заказа. Без этих карт лезть в Храд Спайн, не зная четкого расположения коридоров, залов и галерей, – это все равно что сунуть голову в пасть Х'сан'кору.

– Гаррет, хватит изучать бумажки! Успеешь еще! Ты с нами идешь?

– Куда? – Я поднял взгляд на Кли-кли.

– Халласа к цирюльнику провожать.

– Мы же его не в последний путь отправляем. Я-то на кой вам понадобился?

Кли-кли приблизился ко мне и, заговорщицки оглянувшись по сторонам, прошептал:

– Делер говорит, что Халлас до ужаса боится! Если что, его нужно будет поддержать.

– Так возьмите Медка, – отмахнулся я от шута. – Он здоровый, пятерых гномов за раз удержит. А мне мои зубы слишком дороги, чтобы я давал Халласу стучать по ним кулаками.

– Медок теперь зад не поднимет со скамьи, – разочарованно произнес гоблин. – Арнх, Фонарщик и Сурок сваливают погулять по городу, эльфов и Алистана не допросишься – они тоже куда-то уходят. Горлопан, Дядька и Медок теперь пиво будут дуть, пока не лопнут. Кого мне звать как не тебя?

– Угря. – Я кивнул в сторону смуглого гарракца.

– Он и так идет с нами.

– А его, значит, тебе не хватит?

После долгой дороги я не горел желанием куда-то идти.

– Ну, Гаррет, хватит ломаться! Делер очень просил!

Я зарычал на гоблина, но собрал со стола бумаги, завернул их в дрокр⁵ и убрал в сумку.

– Пошли же! – зашипел Халлас, когда я и Кли-кли подошли к нему.

– Куда же вы, господа хорошие? – удивился трактирщик, заметив, что мы собираемся уходить. – Пиво сейчас будет!

– Нам не до пива, – с сожалением вздохнул Делер, нахлобучивая шляпу-котелок на голову. – У Халласа зуб болит, к цирюльнику надо идти.

– Ай, ай, ай. – Трактирщик покачал головой, поцокал языком и с сожалением покосился на едва живого от зубной боли гнома. – А зачем же к цирюльнику? Давайте к зубу крепкую ниточку привяжем, ниточку к двери прикрутим. Я дверь открою, и зуба как не бывало!

– Спасибо, не надо, – поспешно сказал Делер и как бы невзначай перегородил Халласу путь к трактирщику.

Гном бросил свирепый взгляд на сердобольного мастера Пито. Трактирщик понял, что был на волосок от взбучки и испуганно скрылся на кухне.

⁵ Дрокр – эльфийская ткань, которая не пропускает воду, запахи и не горит в огне.

– Гаррет, – промурлыкала Миралисса. – Не забудь оставить арбалет в трактире. Вот Х'сан'кор! А я и вправду забыл о своем малыше!

Пришлось доставать миниатюрную поделку карликов, свободно умещавшуюся в одной руке и стреляющую сразу двумя болтами. Расставаться с дорогой, а главное нужной вещью не хотелось. Без арбалета за спиной я чувствовал себя голым и беззащитным.

– И клинок оставь, – произнес Элл, наблюдая, как я отдаю оружие Дядьке.

– Да, Гаррет, нож тебе тоже придется оставить, – поддержал Эллу Дядька.

– Мы тебе чего-нибудь менее заметное выдадим! Вилку, например! – хихикнул Кли-кли.

– Это почему я должен клинок оставить? – Я посмотрел на желтоглазого к'лиссанга Миралиссы, пропустив укол Кли-кли мимо ушей.

– Стража в него вцепится не хуже чем имперская собака в кусок мяса.

Ладно, признаю! Эльф прав. Мой обоюдоострый нож был длиной в целый локоть, с серебряной окантовкой по лезвию. Клинок вполне мог сойти за короткий меч, а следовательно, я нарывался на неприятности при разговоре со стражей Ранненга.

Скрепя сердце, пришлось оставить оружие на попечение Дядьки.

– Медок, – обратился Сурок к помощнику Дядьки. – Кинь-ка мне мой мешок, негоже Гаррету без железа по городу шастать.

Сурок поймал брошенный ему мешок, порылся в нем, выудил сухарь, сунул его в лапки запищавшего от восторга Непобедимого, вновь обратился к мешку и извлек оттуда кинжал в простеньких потертых ножнах.

– Держи.

Я взял оружие и наполовину вытащил клинок из ножен.

– Рубиновая кровь?

– Угу, канийская ковка. Хорошая сталь.

– Ух ты! Прямо как меч у Алистана! – восхищенно присвистнул шут, посмотрев на клинок, отливающий красноватым цветом.

– Спасибо, Сурок! – Я с сожалением вернул оружие воину. – Сталь действительно великолепная, но излишне шумная. Попроще ничего нет?

– Да у нас железа сколько угодно! Возьми мой. – Фонарщик протянул мне кинжал.

– Сойдет, – благодарно кивнул я, пристегивая оружие к поясу.

Если что, в потайном кармане у меня есть бритва плюс в сумке целый арсенал магических фокусов, купленных мной в волшебной лавке накануне отъезда из Авендума. Прорвемся...

– Кли-кли! – Алистан подошел к шуту. – У тебя ничего лишнего с собой нет?

Шут надулся, будто его обвинили в королевской измене, и откинул в стороны полы своего темного плаща, показывая широкий пояс, на котором висело четыре тяжелых метательных ножа. Два справа и два слева. Не припомню, чтобы за время поездки он хоть раз вынимал оружие из ножен.

– Это точно? Ты ничего такого не припрятал? Я не собираюсь вытаскивать тебя из лап закона, если ты носишь под плащом что-нибудь запрещенное.

– Я пуст, как бутылка вина в руках пьяницы, милорд, – искренне ответил Кли-кли.

– Ладно. – Кажется, Алистан поверил словам гоблина. – Учти, если будешь слишком остер на язык со стражей, тебя могут ждать неприятности!

– Учту, – сказал шут, всем своим видом показывая, что и без наставлений Алистана знает об отсутствии чувства юмора у стражников.

Гоблин принялся копаться в своих многочисленных карманах и выудил спутанный клубок веревочек и узелочков. Помнится, он поспорил с нами, что сотворит с помощью этой штуки страшную гоблинскую магию. Пока у него ничего, кроме безумной паутины из веревок и узелков, не получалось. Кли-кли перехватил мой взгляд и весело подмигнул:

– Если что, то о-го-го!

– Предупреди, когда будешь испытывать свое о-го-го, – попросил я его. – Я уеду в соседнее королевство.

Шут бросил на меня взгляд, ясно говоривший, что он во мне разочаровался на веки вечные, и убрал клубок веревок обратно в карман.

– Ты еще очень удивишься, Гаррет, когда я грохну свое шаманство.

– Делер, ты ничего не хочешь мне оставить? – очень грозно спросил Дядька.

Делер состроил невиннейшую физиономию и честным взглядом из-под насупленных рыжих бровей воззрился на десятника.

– Что я, маленький, что ли? Мне пары кинжалов хватит. А если что, я их всех стулом!

– Делер!

– Да что Делер! – возмутился карлик. – Я всю жизнь почитай Делер!

– Тогда где твоя секира?

– У меня она, у меня, – хмыкнул Горлопан и радостно осклабился. – Делер ее нечаянно «забыл» возле двери, так я подобрал и сюда принес.

Несмотря на зубную боль Халлас весело хохотнул, радуясь, что его дружку попортили все планы.

Делер посмотрел на Горлопана как на врага всего народа карликов, разочарованно плюнул на пол и, печатая шаг, направился к выходу.

– Жду вас на улице! – буркнул он, проходя мимо нас.

– Прямо как маленький! – вздохнул Дядька.

Если бы Горлопан не подсуетился и Делер захватил с собой страшную двулезвийную секиру, мы не прошли бы и десятка ярдов, без того чтобы не привлечь внимание стражи.

– Сурок! – Немногословный Угорь протянул воину ножны с «братом» и «сестрой»⁶. – Побереги их.

– Конечно, дружище, конечно, – произнес Сурок, принимая клинки из рук гарракца.

– Пошли Гаррет, иначе от зубной боли я помру прямо на полу! – буркнул гном, выходя из трактира.

⁶ «Брат» и «сестра» – название двух клинков особой школы фехтования, распространенной в Гарраке, обычно только среди знати. Во время боя оружие находится на разных вертикальных уровнях друг от друга. «Братом», узким обоюдоострым клинком, находящимся в правой руке на уровне живота, рубят и колют противника. «Сестрой», более коротким клинком, не имеющим режущей кромки, наносят только колющие удары. «Сестра» располагается в левой руке. Рука поднята вверх и согнута в локте. «Брата» и «сестру» носят либо за спиной, либо в одних сдвоенных ножнах.

Глава 2

Старые знакомые

– А куда мы идем? – Шут вприпрыжку бежал рядом со мной.

Коротенькие ножки гоблина были не приспособлены для темпа, который задал нашей компании Халлас.

– К цирюльнику. Сам будто не знаешь!

– Я понимаю, что не к сапожнику, Гаррет! Я спрашиваю, куда? Цирюльников за этот час мы повидали много!

– Тогда ты с этим вопросом обратился не по адресу, это тебе к Халласу надо.

– Спасибо, но я хочу дожить до старости! Он сегодня не в духе, и вопросы я ему задавать не намерен.

– Раз не хочешь у него спрашивать, помолчи, ладно?

– У! – обиженно протянул гoblin и бросился теревить вопросами Делера, но тот ответил ему почти то же самое, что и я.

– Знаешь, Гаррет, – Угорь впервые заговорил с тех пор, как мы вышли из трактира, – мне начинает надоедать эта прогулка.

– И не только тебе одному, – вздохнул я.

Мы уже битый час бродили по Ранненгу в поисках нужного цирюльника. Как гном хотел из всех цирюльников выбрать именно нужного, оставалось для нас загадкой. Те цирюльники, у которых мы уже успели побывать, под ярлык нужных никак не подходили. Жесткие требования Халласа к человеку, который соберется драть ему зуб, оставляли разочарованных цирюльников с пустыми карманами, а гнома с больным зубом. Причин в отказе вырывать зуб у того или иного зубодральщика у Халласа набралось с целую гору. У одного лавка была слишком грязной, у другого цены слишком высокими, у третьего глаза голубые, четвертый оказался слишком старым, пятый слишком молодым. Шестой был сонным, седьмой странным, восьмой заикался, у девятого рожа по кулаку плакала. Капризам гнома было просто невозможно угодить!

И еще одна странность, замеченная мной у гнома, – как только Халлас подходил к лавке очередного цирюльника, его шаги самым волшебным образом замедлялись, он начинал плестись, как пьяная улитка, и мелко дрожать. Даже слепому доралиссцу было понятно, что Халлас попросту ужасно боится встретиться с щипцами цирюльника.

– На нас уже смотрят, – буркнул гарракец.

– На нас смотрят с того момента, как мы вышли из трактира, – буркнул я в ответ. – Тут уже ничего не поделаешь!

Компанией мы были любопытной, и поэтому на нас глазели без зазрения совести. Перво-наперво, конечно же, все смотрели на гоблина, представителей его расы не так часто можно встретить в городах королевства. Но, конечно, как только люди замечали гнома и карлика, про Кли-кли забывали напрочь. Если гоблинов еще иногда можно увидеть на белом свете, то гномов и карликов, мирно идущих рядом друг с другом, – никогда.

Гномы и карлики – близкие родственники, все равно что эльфы и орки. Но, несмотря на родственные узы, жажда ненависти крепко сжала эти четыре расы (то бишь орков и эльфов, а также карликов и гномов) в своих объятиях. И если эльфы с орками возненавидели друг друга с момента своего появления в мире Сиалы и сразу же устроили кровавую войну, то гномы и карлики тысячелетиями жили вместе в Горах карликов. И жили вполне дружно, надо сказать. Так и не известно, из-за чего между ними произошел раскол. Ни гномы, ни карлики, не склонны распространяться о причинах ссоры, окончившейся Пурпурными годами. После череды Пурпурных лет гномы покинули свою родину в Горах карликов и перебрались

в Стальные шахты Исилии. Апофеозом ненависти, возникшей между расами, явилась битва на поле Сорна. Сколько воинов полегло с обеих сторон во время этого побоища, неизвестно до сих пор. Родственнички здорово помутузили друг друга, пушки гномов и секиры карликов собрали для Сагры кровавую дань, но победы в той бойне не было. Слишком много оказалось жертв с обеих сторон, чтобы можно было решить, кто выиграл битву. Правда, гномам во время битвы пришлось хуже – они потеряли всех своих магов, и теперь эта раса осталась без волшебников. Конечно, теоретически, если немного помечтать, когда-нибудь гномы смогут вернуть себе магию, если только проберутся в Зам-да-Морт и отберут у карликов спрятанные там книги. Право на обладание магическими книгами – это еще одна капля ненависти, упавшая в чашу бывших родичей.

«Покажи карлику гнома, а гному карлика – и они тут же вцепятся друг другу в горло» – это довольно верная и справедливая поговорка. Поэтому знающим ее людям вдвойне было удивительно видеть Халласа и Делера вместе.

Еще одной причиной, привлекающей к нам внимание прохожих, являлся Делер. Карлики встречались в городах не в пример чаще гоблинов, но с тех пор, как Сталкон заключил договор с гномами на покупку пушек для Одинокого Великана и форта, охраняющего гавань Авендума, карлики разругались с Валиостром и покинули королевство. Осталось всего лишь несколько представителей этой расы, да и то только в столице. Это были либо самые жадные, те, кто хотел сделать состояние на продаже своих товаров людям, или те, кого просто не принимали в родных горах.

– Гаррет, ты глянь! – Кли-кли дернул меня за рукав.

– Куда? – Ничего интересного я не видел.

– Да вот прямо сюда! – Кли-кли ткнул пальцем в сторону лавки, торгующей овощами. – Погоди, я мигом!

Не успел я и рта открыть, как гоблин уже унесся за покупками.

– Чего это он? – недоумевающе спросил меня Делер.

– У каждого свои слабости, – ответил я. – Кто-то не хочет драть зубы, а кто-то обожает морковку.

Халлас пропустил намек про зубы мимо ушей и картинно застонал.

– Не стони! – безжалостно прикрикнул на гнома Делер. – Кто тебя заставлял уходить от цирюльников?! Теперь мучайся!

– Они все плохие цирюльники!

– А ты-то откуда знаешь?

– А вот и знаю!

– Знаток, ядрить твою кочерыжку! Ты уж честно скажи, что до ужаса боишься! – презрительно сплюнул карлик.

– Это кто боится? – тут же вскинулся Халлас. – Гномы ничего не боятся! Это ваше безбородое племя боится! Заперлись в наших горах и дрожите как осиновый лист на осеннем ветру!

– Тогда чего ты зуб не дерешь?!

– Говорю же, глупая твоя черепушка! Это плохие цирюльники!

– Угу, так я тебе и поверил!

Гном лишь фыркнул, показывая карлику, что разговор с ним закончен.

– И чего ты опять со своим мешком таскаешься? – не отставал от Халласа Делер. – Ты можешь его хотя бы на минуту оставить?! У тебя там что, гномья книга заклинаний?!

– Ну что ты расстрекотался?! – взорвался Халлас. – Мой мешок! Что хочешь, то и ношу!

С этим мешком гном был попросту неразлучен. Куда бы ни направлялся Халлас, он всегда таскал мешок с собой. Что там лежит, не смог узнать даже проныра Кли-кли. Делер просто умирал от любопытства и терялся в догадках. Уж не знаю, какие в мешке хранились сокровища.

вища, но гном, раздобывший его у родичей, несущих вахту в форте Авендума, крутился вокруг собственности, как курица вокруг первого в своей жизни яйца.

– Ты мне скажи, ты зуб драть решился или мне придется заклеить тебя трусом? – не сдавался Делер.

– Будь у меня мотыга, ты бы так не разговаривал, – буркнул гном. – Решился я драть, решился! Чтоб у тебя глазки повылазили!

– Когда? – Делер ухватил быка за рога и не обратил внимания на оскорбление.

– Как только найду первого попавшегося цирюльника!

– Заметано!

– А вот и я, – весело хрустя морковкой, к нам подошел Кли-кли. – Ну что, зуб будем драть или станем ждать, когда он сам отвалится?

– И этот туда же! – буркнул гном. – Дался вам мой зуб! Что хочу, то с ним и делаю!

Халлас развернулся и решительным шагом протопал к дому, где висела вывеска цирюльника. Нам ничего не оставалось делать, как последовать за ним, в душе надеясь, что гном наконец-то решится и вырвет проклятый зуб.

Естественно, судьба бросила кости, и нам выпали Глаза смерти⁷. Лавка, как и следовало того ожидать, оказалась закрыта.

– Клянусь Д'сан'дором! – прогудел Делер. – Я сейчас разнесу эту улицу в щепки! Или сам вырву тебе зуб, Халлас! Мне эта тягомотина уже надоела!

– Идем! Тут недалеко Большой рынок! Там точно должен быть цирюльник! – поспешно предложил Кли-кли, опасаясь, что карлик и в самом деле попытается вырвать гному зуб и на драку сбежится вся городская стража.

Кто-то тихонько застонал. Очень надеюсь, что это был не я.

* * *

Большой рынок действительно был большим. Нет, не так! Он был просто огромным! Как по размеру, так и по количеству товаров. А народу, шатающего между торговых рядов, было вовсе не сосчитать.

– Купите лошадь! Настоящая доралисская порода! Посмотрите, какая у нее грация!

– Яблоки, яблоки!

– Лучшая сталь севера! Лучшие клинки юга!

– Заходите!

– Купите обезьянку, господин!

– Это я дура? Да ты на свой товар посмотри, стерва! Разве это репа? Это одно название!

– Вор! Держите вора!

– Лови его!

– Султанатские ковры высочайшего качества! Не боятся моли!

– Эй! Поаккуратнее! Это фарфор низинских мастеров, а не глиняный горшок твоей бабушки!

– Да хватит мне на ноги наступать! Щас как врежу!

– Испугал! Сейчас сам врежу!

– Семечки!

– Милорд, у нас в заведении лучшие девочки в этой части Валиостра! Пройдемте! За серебряный сразу три штуки! А за два они вам такое сделают!

– Ма-а-а-ам! Хочу крендель! Ну ку-п-и-и-и-и! А-а-а-а!

– Не толкайся!

⁷ Глаза смерти – когда после броска кости показывают одни единицы.

- Вожжи, уздечки, седла! Вожжи, уздечки, седла!
- Щенки имперской собаки! Уже кусаются!
- Имперской? Да ладно врать! Это же крысята, а не собаки!
- Пира-ажки!

Гвалт тут был почище, чем у ворот во время нашего въезда в Ранненг. Угорь что-то пытался мне сказать, но вопль толстой бабки, сунувшей мне под нос одуряюще воняющую рыбу никак не меньше чем месячной свежести, не дал мне расслышать слова воина. Я отмахнулся от торговки и бросился догонять Угря.

Халлас, видать от боли лишившись последних мозгов, привел нас в толпу народа, наблюдающую представление балагана прямо посреди рынка. Халлас, никогда не отличающийся вежливостью по отношению к ближнему своему, распикивал народ локтями, наступал на ноги и сквернословил, как заправский житель Портового города. Буквально через несколько секунд популярность гномьего племени в Ранненге упала ниже цен на навоз.

Мы все же сумели пробраться через эту давку, а Кли-кли, не удержавшись, вылез на сцену, сделал колесо, стойку на руках, вырвал у жонглера изо рта факел, сел на него задницей, вскочил, залез по столбу на канат, перебрался на другой столб, плюнул на лысину силача, поднимающего гирию и, сорвав гром аплодисментов, смылся.

– Все развлекаешься? Бом-тирлим и труль-ля-ля? – спросил я гоблина, когда он догнал меня.

– А ты все бурчишь и думаешь о худшем? – не остался в долгу Кли-кли. – Дурацкая у тебя жизненная позиция, Гаррет!

– Не согласен! У меня прекрасная жизненная позиция!

– Думать о худшем – это прекрасная жизненная позиция? – Шут наморщил лоб. – Это кто же тебя надоумил?

– Я сам. Вот смотри, я тебе сейчас все объясню...

– Послушаем, послушаем, – заинтересовался шут.

– Вот ты бегаешь, песенки поешь и говоришь, что все будет хорошо. А когда это хорошо не случается, что ты делаешь?

– Я расстраиваюсь, конечно!

– Вот! А я нет, так как всегда склонен ожидать худшего, и, когда оно случается, не расстраиваюсь, а продолжаю жить дальше, да еще и пытаюсь выпутаться из случившейся неприятности. А если неприятность не случается, а происходит совсем наоборот, я искренне радуюсь неожиданному сюрпризу!

Шут внимательно посмотрел на меня.

– Ты сам-то во все это веришь, Танцующий в тенях?

– Не очень, – честно признался я Кли-кли.

– Вот то-то и оно, что не очень! Пошли быстрее, а то мы наших в этой толпе уж точно потеряем!

Гоблин ринулся вперед, благо его маленький рост позволял без проблем пробираться через толпу. Мне же раз двадцать успели отдавить все ноги, раз десять постарались продать абсолютно ненужные мне вещи, начиная с мочалки и заканчивая драмой и отчаянно вопящей кошкой на последней стадии издыхания.

Какой-то неопытный воришка попытался залезть ко мне в карман, но я, извернувшись, приставил к его животу кинжал Фонарщика, а затем прижал паренька к стене одной из лавок.

– Кто учитель?! – рявкнул я на карманника.

– А? – Холодная сталь у живота не очень способствует мыслительному процессу.

– Я спрашиваю, кто твой учитель, щенок?!

– Шлюд-филин, го-осподин!

– Он из гильдии?

– А?

– Ты плохо меня слышишь? Если да, то хорошего вора из тебя не выйдет!

– Да, мой учитель из гильдии, господин.

– Тогда передай ему, чтобы он тебе показал, кого стоит грабить, а к кому лучше не лезть, пока опыта не наберешься!

– Л-ладно, – паренек был ошеломлен. – Вы не будете звать стражу, господин?

– Нет, – буркнул я, убирая кинжал обратно в ножны. – Но если еще раз ко мне сунешься...

Понял, что я хочу сказать?

– Да, – паренек все еще не мог поверить, что легко отделался.

– Тогда пошел вон!

Говорить карманнику-неудачнику дважды не пришлось. Он юркнул от меня, как испуганная мышка, и вмиг затерялся в толпе. Я проводил его долгим взглядом. В далекой молодости я сам лазил по карманам лопухов до тех пор, пока меня не подобрал мой учитель Фор, научивший всем тайнам высшего искусства воровства. Но в годы промысла по карманам я, в отличие от этого неумехи, старался не лезть к тем, кто может поймать явля за руку! (Хотя, чего скрывать, один раз меня чуть было не поймали.)

– Гаррет, ты долго намереваешься тут стоять? – Ко мне подскочил Кли-кли. – Мы только тебя и ждем! И кто был тот паренек, с которым ты вел такую непринужденную беседу?

– Просто прохожий, идем!

Делер, Угорь и Халлас нетерпеливо дожидались нас на пяточке, свободном от торговых рядов, а следовательно, и толпы.

– Вот, цирюльник! – Делер ткнул толстым пальцем в сторону лавки. – Вперед, Халлас!

– Вперед! Я тебе лошадь, что ли? – Гному очень не хотелось идти.

– Давай, давай, – поддержал я карлика. – Вот увидишь, Халлас, тебе сразу станет ле...

Мой взгляд вперился в толпу, и я не закончил фразу. Возле рядов, торговавших лошадьми, мелькнула до боли знакомая фигура. Я, ни секунды не раздумывая, ринулся вдогонку за увиденным мною человеком, не обращая внимания на удивленные вопли товарищей, зазвучавшие за моей спиной. Мне, если честно, было не до этого. У меня перед глазами застыло лицо, которое я видел не больше одной секунды. Следовало во что бы то ни стало догнать замеченного человека и по возможности отправить его во тьму.

По дороге я едва не сшиб какого-то торговца, перевернул корзину яблок и, не слушая поднявшуюся вокруг меня брань, выхватил кинжал из ножен. Лезвие оружия легло вдоль предплечья, чтобы клинок в моих руках был менее заметным для окружающих. Я подбежал туда, где несколько секунд назад увидел старого знакомого.

Никого. Я побежал дальше, отчаянно вертя головой в бесплодной попытке отыскать скрывшегося человека.

– Что случилось, Гаррет? – рядом со мной тенью вырос Угорь. – Ты будто призрака увидел!

– Угу. – Я так и не оторвал взгляд от толпы. – Призрака. Только, к сожалению, живого.

– Кто это был?

– Старый враг, – сказал я и убрал оружие в ножны. – Очень старый и очень опасный.

– Может, тебе показалось? Тут столько людей... мог и обознаться.

– Да, – помолчав, ответил я воину и еще раз обвел рынок взглядом. – Наверное, мне показалось. Наверное...

Я сам себе не верил. Не могло мне привидеться! Уж очень этот человек был похож на Ролио.

– Пошли, нужно наконец отвести гнома к цирюльнику и убраться в трактир.

Пока мы возвращались назад, я всю дорогу ежесекундно оглядывался, но знакомой фигуры не было видно.

Халлтас и Делер куда-то пропали, и Кли-кли в одиночестве переминался с ноги на ногу.

– Гаррет, что такое с тобой сегодня творится? Ты здоров? – Кли-кли заботливо посмотрел мне в глаза. – Кого ты там увидел, если понесся по рынку похлеще стада ополоумевших доралисцев?

– Думал, старый знакомый, но, кажется, обознался. Куда делись Делер с Халласом?

– Карлик потащил гнома к цирюльнику, – ответил мне Кли-кли, а затем вновь задал вопрос: – И что это за старый знакомый такой, если он заслужил от тебя сталь под ребра?

– Бледный, – односложно ответил я.

– О! – понимающе сказал шут и замолк. Он слышал от меня о Бледном много ласковых и добрых слов.

Бледный – это наемный убийца и слуга Хозяина. Этот парень хитер, как выводок султанских змеюк, а кожа у него бледная, как у вампира, сто лет не вылезавшего на солнце.

Моя дорожка пересеклась с Бледным в ту ночь, когда я получил от короля Заказ добыть для него Рог Радуги.

Бледный в тот неприятный для меня момент находился на задании (он получил Заказ – доставить мою голову неизвестному доброжелателю), чтоб черви выгрызли ему глаза! Парень пару-тройку раз пытался отправить меня в свет, сначала стрелой, затем с помощью громил, но, по счастью, ему это не удалось. Тот, кто дал Заказ Бледному, был какой-то влиятельной шишкой в Авендуме и работал на Хозяина, пугавшего меня до инея в кишках. Хозяин, как и Неназываемый, не очень жаждал того, чтобы я принес из Храд Спайна Рог Радуги. Кто такой этот Хозяин, я расскажу как-нибудь в другой раз. Эта история слишком длинна и темна, чтобы сейчас я стал излагать ее полностью.

Ну так о чем это я? А! В противостоянии с Бледным судьба была на моей стороне, и после каждого неудачного покушения на меня убийца отправлялся к лекарям то с арбалетным болтом, засевшим в руке, то с обожженным и подранным лицом. И все же Бледному, пускай и раненому, каждый раз удавалось избежать встречи со смертью. В последний раз он избежал могилы только чудом. В тот прекрасный вечер Бледный был официально приглашен в трактир на вечеринку, собранную по поводу продажи Коня Теней. Он, как и Маркун, работал на Влиятельного – слугу Хозяина, и поэтому, когда в помещение ворвались доралисцы, затем демоны, а потом маги Ордена вместе с городской стражей, я уже было решил, что Бледному не выбраться. Но гаду под шумок удалось скрыться, и я махнул на него рукой, потому как через день должен был покинуть Авендум на слишком долгий срок, чтобы обо мне вспоминали. Поэтому мне было крайне неприятно увидеть на Большом рынке некоего субъекта, как две капли воды похожего на наемного убийцу. Контракт Бледного на то, чтобы пришить меня, все еще был в силе, и теперь мне придется беречь спину и почаще оглядываться по сторонам. Слуги Хозяина так просто свою добычу не отпускают, а уж Ролио тем более. Он сделает все, чтобы я отправился в могилу.

– Он тебя видел? – озабоченно спросил Кли-кли.

– Ты знаешь, дружище, меня самого волнует тот же вопрос. Надеюсь, что он меня не видел, иначе неприятности ждут не только меня. Тот тип, на которого работает Ролио, очень будет рад прихлопнуть нас всех.

– Хозяин? – догадался гоблин.

– Угу.

– Вы о чем? – Угорь ничего не слышал ни о каком Хозяине, что и немудрено. Мы не удосужились рассказать ему об этом.

– Не забивай себе голову! – сказал я воину. – Просто считай, что можешь в любой момент получить чем-нибудь острым под лопатку. Как только Халлас вылечит зуб, мы отправимся назад, и пускай Алистан с Миралиссой ломают голову, что делать дальше. Я же говорил, что нам не следует заезжать в Ранненг!

– Если бы не зуб гнома, мы были бы уже на полпути к Иселине.
– Ты сегодня разговорчив, Угорь-бугорь! Есть причина? – спросил Кли-кли.
– Скаль зубы с кем-нибудь другим, Кли-кли, – беззлобно обронил гарракец. – Идем к цирюльнику, Делеру может понадобится помощь.

– Предупреждаю сразу, – поспешно сказал я, – гнома держать не нанимался!

Досадно, что и гoblin, и Дикий пропустили мое предупреждение мимо ушей. Интересно, почему в некоторых ситуациях некоторые личности страдают избирательной потерей слуха? Я огорченно вздохнул и поплелся за товарищами к лавке цирюльника.

Халлас с бордовым лицом выскочил из двери лавки нам навстречу и чуть не сшиб с ног Кли-кли. Гoblin едва успел отскочить в сторону. Вслед за Халласом вылетел Делер. Цветом лицо гнома могло посоперничать со свеклой.

– Что случилось? – спросил я.

– Этот! – на весь рынок заорал гном и ткнул пальцем в сторону двери в лавку. – Этот!

– Заткнись, Халлас! – зашипел Делер и надвинул шляпу себе на глаза.

– Но Делер! Этот!

– Я говорю, заткнись! Потопали отсюда!

– Да что случилось-то? – переспросил я.

– Этот переспавший с ослом кретин хочет денег! – не выдержал гном.

– Э-э-э... – Угорь тоже ничего не понимал. – Но ведь цирюльнику обычно платят деньги?

– Но не три же золотые монеты! Ты где-нибудь слышал, чтобы за гнилой зуб брали три золотые монеты?

– Не слышал.

Я тоже не слышал. Три золотых – это большие деньги. За них можно выдрать все зубы у половины армии Валиостра.

– Пошли, Халлас! – не отставал Делер.

– Эй ты! Барыга проклятый! Иди сюда! Я тебе за медяк все зубы выбью! А шею вообще бесплатно сверну!

– Халлас, закрой рот и пошли отсюда! – не выдержав, заорал карлик.

– Угорь, заткни их обоих, пока стража не подошла! – шепнул я гарракцу, видя, как вокруг нас начинают собираться зеваки.

На свою беду из лавки выглянул цирюльник.

– Но позвольте, – пролепетал он. – Я удаляю зуб с помощью заклинаний, купленных в магической лавке! Это совершенно безболезненная процедура, поэтому у меня такая цена! Но вам, почтенный гном, я удалю зуб за две золотые монеты.

– Держите меня, – попросил нас Халлас и с кулаками ринулся на цирюльника.

Цирюльник взвизгнул и скрылся в лавке. Делер повис на плечах у гнома, а Угорь преградил Халласу дорогу. Я сделал вид, что вообще пришел не с ними, а просто стою и дышу свежим воздухом.

Кто-то сознательный уже вызвал стражу, и десяток воинов пробирались через толпу в нашу сторону. Быстро обернулись! Стража Ранненга работала намного добросовестнее стражи Авендума. Видно, частые стычки Кабанов, Соловьев и Обуров держали служителей гибкого и продажного закона в постоянной боевой готовности.

Смыться мы не успели.

– Проблемы? – спросил у меня десятник стражников.

– Проблемы? Ну что вы! Никаких проблем! – поспешно ответил я, мечтая лишь о том, чтобы Делер любым возможным способом заткнул гному рот.

– Не надо сказок! – сурово сказал страж. – Чего тогда этот бородатый так разорался?

– У него зуб разболелся.

– Угу. И поэтому он мечтает пристукнуть уважаемого цирюльника, – хмыкнул другой стражник. – Злонамеренное нарушение порядка и подстрекательство к драке. Сами с нами пойдете или... как?

Не важно, из какого города стража, достаточно побывать в одном и узнать об этой породе людей всю подноготную. И доралиссу понятно, чего от нас хотят эти ребята.

– Мы никуда не пойдем, любезные, – пришел мне на помощь Угорь, оставив Халласа на попечение Делера и Кли-кли.

Было в глазах гарракца что-то такое, что заставило стражников отступить на шаг назад. Волк против стаи дворняг, вот что подумалось мне, когда Угорь встал напротив стражников. За ними было количественное преимущество и что самое главное – алебарды супротив наших кинжалов. Надо сказать – это очень веский аргумент в драке.

– Еще как пойдете, господин хороший, – процедил сквозь зубы десятник и поудобнее перехватил алебарду. – Мы не в вашем Гарраке, у нас закон соблюдается!

Губы Угря дрогнули в едва заметной улыбке.

– Если бы в моей стране закон соблюдался так же, как у вас, то преступников в Гарраке было бы больше, чем стражников-взяточников в вашей караулке.

– Это ты на что намекаешь? – нехорошо сощурил глаза десятник.

Угорь еще раз едва заметно улыбнулся и стал раскачиваться с носков на пятки и с пяток на носки. Обе его руки скользнули на рукояти парных гарракских даг. Этот жест послужил для стражников неким сигналом, и они как по команде сделали еще один шаг назад. Халлас наконец-то успокоился и с удивлением глазел на окружавших нас зрителей и стражу, не веря, что это благодаря его скандальной натуре собралось столько народу.

– Господа, господа! – Неожиданно из толпы вышел человек и подошел к стражникам. – Это мои друзья, они не здешние и к законам славного Ранненга еще не успели привыкнуть!

Незнакомец был приблизительно моего возраста, острый нос, голубые глаза с искринкой, тонкие губы. Одет прилично, как зажиточный горожанин, наверное, это и заставило стражу ответить ему, а не прогнать взашей.

– Они нарушают порядок и оскорбляют стражу. – Десятник неприязненно посмотрел на незнакомца.

– Конечно, конечно, – участливо зашептал человек и, осторожно взяв стражника под локоток, отвел его в сторону. – Но вы понимаете, они из деревни, места там дикие, и мои друзья совсем не обучены хорошим манерам. В городе они впервые. А вон тот, худой, племянник моей тетушки и, соответственно, мой родственничек! – Человек ткнул в мою сторону пальцем.

– Что делает этот хмырь? – потрясенно спросил Халлас.

– Вытаскивает нас из задницы, в которую мы попали по твоей вине, – объяснил гному Делер.

Халласу хватило ума не начинать очередной спор.

– Я должен был смотреть, чтобы у них не было неприятностей, – между тем продолжал объяснять стражнику человек. – Войдите в мое положение, господин десятник! Ежели что, тетушка мне голову оторвет и домой непременно не пустит!

Из руки человека в руку стражника перекочевала серебряная монета.

– Ну... – протянул десятник. – Мы все же должны выполнить свой прямой долг и обязанности.

Еще одна монета перетекла из рук в руки.

– Хотя, – стражник стал немного оттаивать. – Хотя после небольшого внушения я вполне смогу отпустить ваших... м-м-м... почтенных родственников.

Третий серебряный поменял хозяина.

– Да! – Десятник решительно кивнул. – Думаю, у стражи Ранненга найдутся более важные дела, чем наказание безвинных прохожих, которые еще просто не обвыклись в городе. Всего хорошего, почтенный!

– Всего хорошего, – попрощался с десятником человек.

– Пошли, ребята, – сказал десятник своим подчиненным, и стража, потеряв к нам всякий интерес, исчезла в толпе.

Зеваки, поняв, что балаган окончен, занялись другими делами. Рынок вновь забурлил своей жизнью, и на нас перестали обращать внимание.

Человек подошел к нам, улыбнулся и, посмотрев мне в глаза, сказал:

– Привет, Гаррет!

Мне не оставалось ничего другого как ответить:

– Привет, Басс.

* * *

– Привет, Гаррет.

– Привет, Басс, – лениво ответил я, приоткрыв один глаз.

– Ты все дрыхнешь? – спросил мой друг.

– Угу.

– Есть охота. – Басс скривился и похлопал себя по животу.

– А я при чем?

– Ну ты же мой друг!

– Ясный пень, что друг. Но в свои одиннадцать лет пора бы и научиться добывать себе пропитание не только игрой в кости и карты с мелочью пузатой!

– Эх! – разочарованно вздохнул Басс и присел на краешек моего соломенного матраса. – Если ты старше меня на год, это не значит, что ты умнее и должен учить меня как жить!

– Если я не могу тебя учить, чего же ты тогда ко мне пристаешь с нытьем про еду? – хмыкнул я.

– Дело есть, – уже совершенно другим голосом сказал Басс.

– Ну? – Я сел.

– Тут в кости у Сопливого Кра играл один человек...

– Ты-то как в трактир Кра попал? – удивленно спросил я.

В игровое заведение Сопливого Кра нас не пускали.

Кра от детишек-карманников никакой выгоды не было. Такие, как мы, только под ногами крутятся да приличных клиентов чистят.

– А вот попал! – хитро сощурил голубые глаза Басс.

Басса недаром называют Бассом-пронырой. Он мог пролезть куда угодно – другое дело, что за эти вылазки моему приятелю довольно часто выпадало на орехи.

– Так что насчет этого человека?

– А! В общем он играл с Кра в кости и выиграл три золотые монеты!

Я присвистнул. Три золотые монеты! Лишь однажды я смог выудить из кармана прохожего золотой, так мы на него с Бассом целых два месяца жили припеваючи! А тут сразу три!

– Ты думаешь, что сможешь их у него позаимствовать? – осторожно спросил я у Басса.

– Я вряд ли, а вот ты сможешь, – болезненно поморщившись, признался Басс.

– Угу, – хмуро сказал я. – А если что, за руки поймают меня, а не тебя.

– Да не волнуйся ты! – беспечно отмахнулся Басс. – Этот тип похож на простофилю. Если что, я подсоблю. Мы же команда!

Команда... За два года нашего знакомства и жизни в трущобах Пригорода мы многое пережили вместе. И за этот срок у нас были как плохие, так и хорошие дни (плохих все же больше).

По сравнению со мной Басс не очень хорошо копался в карманах прохожих. У него вообще не было таланта чистить кошельки, и этот груз полностью лег на мои плечи. Зато Басс владел другими талантами: он мог заговорить зубы самому Неназываемому, облапошить и надуть ближнего своего, смухлевать в кости или карты или навести меня на человека с оттянутым от монет карманом.

– Тебе хорошо говорить, – не согласился я.

– А вот тебе не надо быть таким угрюмым. Я тебе хоть раз не того человека показал?

– Ладно, – вздохнул я. – Где твой золотой дядя?

– Сидит в «Грязной рыбе» и наполняется под завязку вином.

– Пойдем, покажешь, – неохотно произнес я.

У нас еще оставалась одна серебряная и пять медных монет, и рисковать шеей не было смысла, если бы не три золотых. За эти деньги стоило слезть с матраса и вылезти на холод.

Мы выскользнули из старой покосившейся лачуги, служившей домом для двадцати с лишним душ. Здесь жили такие же, как мы, бездомные бродяги.

Над Авендумом властвовала ранняя весна, на земле лежал снег, а по ночам стояли такие же холода, как в лютом январе, когда многие, не имевшие крыши над головой, замерзали прямо на улице. И все равно, несмотря на холодную погоду, неприветливое серое небо и обилие сугробов, в воздухе чувствовалась весна. Этот весенний, почти неуловимый запах распускающихся листьев, журчащих ручьев и грязи. Да-да! Именно грязь, которая незнамо откуда каждый год появлялась в Пригороде Авендума. Но грязь это, конечно, ерунда, маленькое неудобство, и ничего больше, главное, что скоро будет теплая погода и я наконец смогу скинуть эту опостылевшую и драную в пяти местах собачью шубу, украденную у пьяного конюха еще в ноябре прошлого года. Шуба верно грела меня всю зиму, но в ней я был не так ловок и быстр, как без нее, и эта вынужденная неуклюжесть уже не раз подводила меня. На той неделе я чуть не попался в лапы стражников, потому что запутался в собственной одежке.

«Грязная рыба», покосившаяся от времени таверна, находилась в самом центре Пригорода, возле площади Кислых Слив. Ни один нормальный человек в городе не пойдет набивать себе брюхо в «Рыбу» – кислое вино и обилие клопов отпугивало от таверны приличных посетителей.

Мы остановились на противоположной стороне улицы, прямо напротив двери таверны.

– Ты уверен, что твой человек до сих пор еще внутри? Что ему делать в такой тошниловке при трех золотых? Лучше места найти не мог, что ли? – на всякий случай спросил я у Басса.

– Значит, не мог, – буркнул Басс. – Он там, и у него на столе два кувшина с вином. Не думаю, что он успел вылакать их за то время, пока я за тобой бегал.

– Ты просто не знаешь, как некоторые наострились лакать вино, – возразил я ему. – Он уже может быть за лигу отсюда.

– Гаррет, ты вечно паникуешь по пустякам, – фыркнул Басс. – Говорю же тебе, что он внутри!

– Ладно, – вздохнул я. – Будем ждать.

И мы стали ждать, а ждать на морозе, пускай и легком, не очень-то приятное удовольствие. Всякий раз, когда дверь таверны открывалась, мы с Бассом вскакивали, и каждый раз Басс говорил, что это не тот человек.

– Слушай, – не вытерпел я через два часа ожидания. – Я жутко замерз.

– Кому сейчас легко? Я тоже замерз, но этот человек точно там!

– Ждем еще полчаса, если он не выйдет, я отсюда сваливаю, – решительно сказал я. Басс горестно вздохнул:

– Давай я схожу и проверю?

– Угу. Еще не хватало, чтобы Кра тебя отдубасил. Стой, где стоишь.

Морозец жадно лизал пальцы, поэтому я стал притоптывать ногами и хлопать руками, пытаясь хоть немного согреться. У Басса еще несколько раз вспыхивало желание сходить в таверну и проверить, как там поживает владелец трех золотых, но каждый раз, после недолгих препирательств со мной, Басс оставался на месте.

– Может, он перепил? – неуверенно спросил мой друг, когда мне стало казаться, что пальцы на руках превратились в сосульки.

– Может... – стуча зубами от холода, ответил я. – Мне уже не хочется ничего, кроме тепла.

– Вот он! – неожиданно сказал Басс и ткнул пальцем на человека, выходившего в этот момент из таверны.

– Простофиля.

– Я же тебе говорил, – шмыгнул носом мой дружок. – Ох заживем!

– Рано радуешься, – сказал я, провожая человека взглядом. – Ты узнал, где он прячет деньги?

– Угу. Правый карман. Там у него кошелек.

– Идем.

Мы старались держаться так, чтобы человек нас не заметил. Лезть к нему в карман сейчас – это значит напрашиваться на неприятности, людей не так уж и много, незаметно к нему не подойдешь, поэтому нам оставалось только дожидаться удобного случая.

– Ты уверен, что он выпил два кувшина вина? – прошепел я Бассу, не спуская глаз с незнакомца.

– А что? – зашипел он в ответ.

– Уж очень уверенно он идет. Совсем не похож на пьяного.

– Пьяные разные бывают, – не согласился Басс. – По моему папаше вообще нельзя было заметить, пьяный он или трезвый, пока он за полено не возьмется.

Между тем человек без всякой видимой цели петлял по Пригороду, как заяц петляет в лесу, когда путает следы. Мы держались в отдалении и не лезли незнакомцу на глаза до тех пор, пока он не пришел на Рыночную площадь. Народу здесь было много, и нам не стоило большого труда оказаться прямо за спиной у человека с золотыми монетами.

Я быстро кивнул Бассу, и тот юркнул в сторону.

Я постарался дышать носом, приноровиться к шагам человека и избавиться от нервной дрожи. Пальцы на руках слишком замерзли и были не такими ловкими и послушными, как обычно. Не будь в кармане у человека целых трех золотых монет, я бы ни за что не стал рисковать.

Кто-то подтолкнул меня в спину, на секунду я оказался почти прижат к человеку и, воспользовавшись этим подарком богов, запустил руку ему в карман. Я сразу же нащупал кошелек и, схватив его, собрался дать деру, но в этот момент незнакомец неожиданно вцепился в мою руку. Его бледно-голубые глаза встретились с моими.

– Попался, воришка! – прошепел он.

Я тоненько взвизгнул и попытался вырваться, но человек был намного сильнее, и моя рука даже не шелохнулась в его медвежьей лапе. Молнией в голове сверкнула мыслишка, что я, кажется, влип в крупные неприятности.

Невесть откуда взявшийся Басс подлетел к поймавшему меня человеку сзади и ловко пнул его по ноге. Человек взвыл и выпустил мою руку.

– Ноги! – крикнул Басс и дал деру.

Я не раздумывая последовал за другом, крепко сжимая вожаденный кошелек и слыша, как за нами несется ограбленный человек.

– Воры! – орал он. – Держите воров!

Мы продрались через толпу и вылетели с Рыночной площади на какую-то узенькую улочку. Проклятуций человек не отставал от нас ни на шаг. Бежать было тяжело, шуба путалась под ногами, и топот преследователя раздавался все ближе и ближе. Басс впереди меня улепетывал во всю прыть, расстояние между нами постепенно увеличивалось. Я застонал от разочарования: собачью шубу, позаимствованную с таким трудом, придется бросить. Сунув кошель в зубы, я на бегу стал расстегивать пуговицы. Шуба слетела с моих плеч и упала в снег. Бежать сразу же стало значительно легче, я прибавил ходу и смог нагнать Басса.

– В переулок! – крикнул я ему и резко свернул направо.

Басс последовал за мной, а преследователь, уже готовившийся схватить меня за шкуру, отчаянно ругаясь, пролетел мимо. Теперь у нас появился призрачный шанс затеряться в лабиринте переулочков Пригорода.

– Он нам головы открутит! – с трудом пропыхтел Басс.

Я ничего ему не ответил и лишь поднажал еще сильнее, очень надеясь, что предсказание Басса не осуществится. Мы в очередной раз повернули, слыша, как человек грозит оторвать нам руки. Я начинал терять силы, а проклятый незнакомец, казалось, не ведал усталости.

Вдруг из какого-то полутемного закутка узенького переулочка появились чьи-то руки и, схватив меня и Басса за шиворот, втащили в полумрак ниши. Басс испуганно заорал, замолотив воздух руками, я, не отставая от друга, попытался вырваться и пнуть схватившего нас ногой.

– А ну заткнитесь, если жить хотите! – прошептал чей-то голос. – Стойте тихо!

Было в этом голосе что-то такое, что враз заставило нас умолкнуть.

Преследователь пронесся мимо ниши, топая и оглашая переулок отборной бранью.

Человек, спасший нас, так и не разжал рук, он вслушивался в тишину, и я, воспользовавшись моментом, попытался убрать кошель с золотыми в карман.

– Можешь не трудиться, – сказал незнакомец. – Я не ворую у карманников.

– Я не карманник! – запротестовал я, стуча зубами от холода. Без теплой шубы было тяжело.

– Не карманник? А кто же ты? – усмехнулся спасший нас от неприятностей человек.

– Я вор!

– Во-ор? Ну-ну. Клянусь Саготом, может, ты и станешь хорошим вором с моей помощью.

А может, и не станешь, малыш. Давай-ка я посмотрю на свой сегодняшний улов.

Человек разжал руки, вышел на свет и внимательно рассмотрел меня и Басса.

– Ну и кто вы такие? – спросил у нас незнакомец.

– Я Басс-проньера, – шмыгнул носом Басс.

– А я Гаррет-блоха, – ответил я, изучая нашего неожиданного спасителя.

– Ну что же, – улыбнулся человек. – А я Фор. Фор – Липкие руки.

* * *

– Гаррет, ты знаешь этого хмыря? – голос Халласа вырвал меня из воспоминаний прошлого.

– Да, это мой старый... друг, – буркнул я.

– Очень старый, – улыбнулся Басс. – Рад видеть тебя ясным и здоровым, Гаррет!

– Я тоже, – не слишком-то приветливо ответил я ему.

– Как Фор? – Басс, казалось, не заметил моего сухого тона.

– Жив, по воле Сагота.

– Все так же наставляет молодежь? – улыбнулся Басс.

– Нет, он теперь жрец. Защитник Рук Сагота⁸.

Басс присвистнул.

– Слушай, Гаррет, – не выдержал гном. – Может, ты со своим знакомым поговоришь в следующий раз? Огромное вам спасибо за помощь, почтенный, но нам нужно идти.

– Делер, – обратился я к карлику. – Отдай Бассу деньги.

Удивительно, но карлик, не протестуя, залез в свой кошелек и вручил Бассу три серебряные монеты.

– Хей! – возмутился Басс. – Мне не нужны деньги! Я же помог другу!

– Деньги еще никому не мешали, Басс, – сказал я. – Бывай. Ах да! Если тебе интересно, Маркуна на этом свете больше нет.

– И это все? – Он удивленно развел руками. – Ты даже не поговоришь со мной? Вот так вот просто уйдешь после того, как мы больше десяти лет не виделись?

– Нет времени, дружище, – бросил я.

– Как мне тебя найти, Гаррет? – крикнул мне вслед Басс.

– Я не думаю, что мы встретимся, Басс, – обернулся я к нему. – Я тут проездом, завтра меня уже не будет в городе.

Сказав это, я отвернулся от немного удивленного Басса и поспешил за Халласом. Кли-кли не удержался и спросил:

– Это был твой друг? – спросил гоблин.

– Нет... То есть да... Вроде бы.

– Бр-р-р, – потряс головой Кли-кли. – Так да, нет или вроде бы? Ты бы определился.

– Отстань от него, Кли-кли, – посоветовал Угорь.

– Да я же ничего! – Кли-кли развел руками. – Просто спросил. Слушай, Гаррет, а ты со всеми друзьями так изысканно вежлив и обходителен, или только с избранными? Это я так, на будущее спрашиваю, чтобы не слишком сильно удивляться, когда ты при встрече меня так откровенно и ненавязчиво пошлешь.

– Жуй свою морковку! – зарычал я на гоблина. По всему Большому рынку разнесся вопль:

– Почте-енные! Почте-енные!

– Это не нас? – на всякий случай обернулся Угорь.

– Не все из нас почтенные, – возразил гарракцу гоблин и бросил на меня укоризненный взгляд. – Некоторые даже очень непочтенные... А еще хмурые и вечно злые.

– Почте-енные! Подождите! – К нам бежал прилично одетый паренек, отчаянно махая рукой.

– Нет, это точно нас, – сказал Угорь и остановился.

– Вот только каких подземных королей мы ему понадобились? – подозрительно буркнул Делер, сощутив глаза.

– Пошли, – подтолкнул напарника Халлас. – Если мы так каждого крикуна станем дожидаться, то к цирюльнику и до ночи не дотопаем!

– А если мы пойдем дальше, то он будет бежать за нами и орать в три горла, – резонно возразил я гному. – Нам такого счастья не надо.

– Угу, – согласился Кли-кли, впиваясь зубами в морковку. – Халлас, у тебя рукав задрался.

Гном выругался и опустил рукав коричневой рубахи, скрыв под ним татуировку в виде красного зубастого сердечка – эмблемы отряда Диких Сердец. Дикие, отправившиеся с нами в поход, не должны были светиться и кричать на каждом перекрестке, что они принадлежат к легендарному отряду воинов Валиостра. Ребята старательно прятали татуировки в людных местах под одеждой, чтобы не привлекать к нашему отряду лишнее внимание и не давать

⁸ Защитник Рук – одна из высших должностей в иерархии жрецов Сагота.

чужим головушкам работы. (А то некоторые будут сидеть и думать, каким образом Дикие, которые никогда не славились любовью к далеким прогулкам, оказались так далеко от Одинокого Великана? А если эти самые некоторые начнут думать, то пройдет очень немного времени и они станут делать выводы, а нам бы этого не хотелось, потому как после выводов обычно следуют действия.) Правда, теперь можно наплевать на скрытность. Тайный выезд из Авендума уже давно не тайный, по крайней мере, для шаманов Неназываемого, которые пытались подстеречь нас на дороге во время пути из Авендума в Ранненг.

– По-о-чтенные! – Паренек тяжело дышал, видно, пока он нас догонял, совсем выбился из сил.

– Чего тебе, человеке? – грозно нахмурился Халлас. – Дел других нет, кроме как орать на весь город?! Мы и без тебя знаем, что мы почтенные.

– Я хотел предложить, – начал паренек, но Делер не дал ему договорить:

– Не покупаем!

Карлик с гномом развернулись и пошли своей дорогой, перестав слушать то, что собирався сообщить им паренек. Я едва заметно пожал плечами. Не судьба выюноше продать что-нибудь карлику.

– Погодите! – крикнул он. – Вы ведь ищите цирюльника?

Халлас застыл, не донеся ногу до земли, затем медленно опустил ее и развернулся в нашу сторону. Лицо гнома не предвещало пареньку ничего хорошего.

– Сколько? – спросил Халлас, разминая кулаки.

– Бесплатно!

Это заставило гнома крепко задуматься. Он крикнул, почесал в затылке и произнес:

– Мне тут показалось, что ты сказал, что удалить зуб можно совершенно бесплатно. Это так?

– Совершенно верно!

– А? – задумчиво произнес Халлас и вновь поскреб затылок. Сейчас гном разрывался между жадностью и желанием подражаться.

– Да ерунда все это, бородатый! – прогудел Делер. – Бесплатно ничего не бывает!

– Я тоже так считаю. – Халлас вновь воззрился на паренька нехорошим взглядом.

– Да нет, почтенные! Я не вру! В Университете на факультете врачей вам все сделают бесплатно. К тому же не цирюльники, а самые настоящие врачи! Светила науки! Профессора!

– М-да? – все еще недоверчиво сказал Халлас. – И этим твоим профессорами больше делать нечего, как только зубы у всех драть?

– Так сейчас же неделя экзаменов в Университете, – объяснил нам студент. – Профессора старшим курсам рассказывают, как лечить, ну и показывают заодно, а затем спрашивают, как мы материал усвоили.

– Веди, студент, – согласился за Халласа Кли-кли.

– Постой, постой зеленый! – Халлас, чуя, что предстоит скорое прощание с зубом, стал упрямиться. – Так тебя, студент, специально для этого в город и послали?

– Да, почтенный, я ненароком услышал ваш разговор с цирюльником.

Халлас вздохнул, подумал, затем еще раз вздохнул и, зажмурившись, кивнул:

– Веди.

Естественно, никакой повозки, а тем более кареты, для нас не предполагалось. И если гном с карликом шли так, будто они даже не успели устать за это время, то мои ноги гудели и решительно требовали отдыха.

Нам пришлось пилить в обратном направлении через весь Ранненг в Верхний город, где располагался Университет.

Неожиданно Кли-кли испуганно ойкнул и дернул меня за рубаху.

– Гаррет, смотри! Бездушные! – прошипел он театральным шепотом и указал на солдат.

Пятерка воинов, одетых в белые мундиры и малиновые штаны, шла нам навстречу.

– Гаррет, что нам делать?

Кли-кли действительно паникует, или от нечего делать попросту ломает комедию?

– Улыбайся, – на всякий случай произнес я.

– Что? – опешил гоблин.

– У-лы-бай-ся, – процедил я сквозь сжатые зубы и растянул губы в идиотской улыбке в качестве примера для гоблина.

Кли-кли испуганно икнул и ощерился в улыбке от уха до уха, показывая всему белому свету многочисленные иглы зубов. Теперь гоблину было не до меня, он старательно улыбался и не замечал, что я улыбаться перестал. Халлас с Делером тоже заметили Бездушных, я видел, как мгновенно одеревенели их спины. А вот Угорь даже бровью не повел. Железный парень.

Бездушные егеря прошли мимо, даже не удостоив нас взглядом, и Кли-кли облегченно вздохнул:

– Фу, пронесло!

– Чего ты их так испугался? – спросил я у гоблина.

– Ну как же, после Вишек... – озадаченно ответил Кли-кли.

– Вишки? Успокойся, Кли-кли, – улыбнулся Угорь. – Не думаю, чтобы маги разрезвонили на весь свет, что мы от них сбежали. Они незнамо что творили в той деревеньке и поэтому будут молчать, чтобы не привлекать к себе ненужное внимание.

– Но восточку-то в город маги могли послать! – возразил Угрю гоблин.

– Не пошлют. Мы ведь уже разговаривали на эту тему, помнишь? И маги, и те егеря, что остались возле Вишек, просидят там как минимум три месяца, прежде чем бросятся нас искать. Если вообще мы им потом понадобится. А на этих егерей не обращай внимания, они просто расквартированы в Ранненге и про нас ведать не ведают.

– Ну ладно, – неохотно согласился Кли-кли с доводами гарракца.

Я вообще не понял, чего он ломал комедию и строил из себя трусливого дурака. У Кли-кли с мозгами все в порядке, если нужно, то он без проблем обыграет в цранты⁹ самого Арцивуса, а все, что сейчас сказал Угорь, гоблин и так прекрасно знал.

– Кстати, Гаррет, – обратился ко мне Кли-кли. – А зачем ты посоветовал мне улыбаться?

– У тебя улыбка дурацкая, – пожав плечами, ответил я.

– И что? – не понял меня королевский шут.

– Ну... – протянул я и, не удержавшись, улыбнулся. – Когда у тебя дурацкая улыбка, ты становишься похожим на идиота. Улавливаешь?

Гоблин споткнулся на ровном месте, а Делер попросту подавился смехом. Пожалуй, это был один из немногих случаев, когда я побил Кли-кли его же картой.

⁹ Цранты – логическая военная игра. Аналог шахмат.

Глава 3

Гномий зуб

Огромные бронзовые створки ворот Университета Ранненга, на которых был герб этого древнейшего и почтеннейшего заведения, выгравированный в виде раскрытой книги, переплетенной виноградной лозой, оказались приветливо распахнуты настежь и гостеприимно встречали всех тех, кто подходил к ним из парка, разросшегося между Верхним городом, Университетом и школой Ордена. Парк действительно был огромен, велик и прекрасен, и, очутившись в нем, у меня создалось впечатление, будто я попал в сказочный лес из детских снов, в которых дубы круглый год подпирают зелеными кронами небесную сферу.

Проводник провел нас в ворота, и мы свернули на одну из тенистых каменных дорожек, ведущую мимо седых зданий факультета в сердце Университета.

– Почему здесь так мало людей? – с интересом спросил Делер, озираясь по сторонам.

– Студенты или на практике, или сдают последние экзамены, или уже разбрелись на каникулы, почтенный. Все зависит от факультета, – пожал плечами паренек. – Видели бы вы, какие попойки здесь случаются в начале осени! А сейчас застой, как в старом болоте, к тому же центральное здание в той стороне Университета, почти все факультеты сейчас располагаются там...

– А этот ваш... – Делер пощелкал пальцами, вспоминая название. – Лечебный факультет где?

– А! Лечебный факультет рядом с моргом, так что мы почти никого из студентов и не увидим, пока не придем на место.

– С моргом? – опасливо переспросил Халлас.

– Это на тот случай, если тебе зуб неправильно вы дерут, – поддел гнома Делер. – Чтобы труп далеко не тащить.

– Чего ты каркаешь, морда? – ругнулся Халлас. – Все ваше карликово племя такое, только каркать и можете. Все века каркаете, а мы за вас все шахты и штольни пробивали!

– Вы за нас?! Да вы ни одной достойной вещи своими руками сделать не сумеете! Мотыжниками родились, мотыжниками и умрете!

– Может, мы и мотыжники, но зато не ворует у других магические книги!

– И ничего мы не воровали! – возразил Делер. – Это наши книги!

– Хватит! – не выдержав, рявкнул Угорь. – Заканчивайте дразги!

Как это ни удивительно, но слова Угря произвели на гнома и карлика точно такой же эффект, как ведро холодной воды на двух дерущихся котов. Халлас и Делер закрыли рты и грозно засопели.

Что бы ни говорил наш проводник, но все же мы встретили по пути нескольких студентов. Два бледных молодца, измученных то ли экзаменами, то ли обильной дегустацией молодого вина, прошли мимо нас, беседуя о том, есть ли сущность у света или свет всего лишь антитыма без права распада на составляющие.

Еще одна компания студиязов сидела на травке под деревьями и лениво перелистывала книжки.

– Это с литературного факультета, – перехватив мой взгляд, презрительно ответил наш провожатый. – Богема.

Кли-кли весьма картинно хрюкнул, услышав такое словечко.

– Чего ты хрюкаешь? – не удержавшись, спросил я у него.

– Он такие новомодные словечки знает, – хмыкнул гoblin. – Прямо хоть в профессора его определяй.

Не знаю, чему он удивляется – мир не стоит на месте, науки развиваются, и вскоре обычный сиволапый крестьянин будет не только знать, что означает слово богема, но еще и напишет трактат «О филологических изысканиях нецензурной лексики, встречающейся в южных районах Валиостра».

Гномы нашли секрет пороха, разработали печатный станок, ходят слухи, что сейчас они мастерят у себя в шахтах какой-то паровой котел. Пройдет сто лет, и уже никого не удивит, что книги написаны не от руки, а набраны на печатном станке. Авось, через тысячу лет люди еще и летать научатся.

– Не хмыкай, Кли-кли, – поддел я шута. – Это не красит культурного гоблина.

– Зато ты не знаешь, что такое богема! – не остался в долгу Кли-кли.

– Представь себе, знаю, – разочаровал я его. – Библиотека моего учителя может поспорить с Королевской.

– Не очень-то я тебе и верю, образованный вор – это нонсенс.

– Угу. Как и образованный гоблин. Чего вы в Заграбе читаете, кроме книжек вашего Тре-тре?

– Великого Тре-тре, – машинально поправил меня Кли-кли. – У нас много древних книг, Гаррет-баррет. Намного больше, чем ты думаешь! Многие люди душу готовы заложить, чтобы взглянуть на них хоть одним глазом.

– Охотно верю, тайный рецепт гоблинской дряни, что затуманивает мозги, ищут многие...

– Бя-бя-бя! Мы, кажется, пришли.

Из-за деревьев показалось желтое трехэтажное здание с широкой лестницей, на которой студентов было как гномов на поле Сорна.

– Экзамены? – спросил Делер, оглядывая листающих книжки студентов.

– Да, сегодня анатомия у второго курса, – поморщился паренек. – Все сдавшие пойдут в «Солнечную каплю» праздновать. Так что пьянка вечером будет знатная!

– Ясно, – ухмыльнулся Делер, будто он сам только что сдал эту самую анатомию и уже пьянствовал. – Э... друг мой Халлас! Ты чего-то побледнел. Никак сдрейфил?

– Гномы не дрейфят! – гордо сказал Халлас и на негнущихся ногах стал подниматься по лестнице.

– Как бы он в обморок не шлепнулся, – шепнул мне Кли-кли.

Гном, который первым врубился в схватку во дворце Сталкона и не испугался тварей, появившихся после волшебства слуг Неназываемого в Харьгановой пустоши, сейчас дрожал, как осиновый лист на осеннем ветру.

– Если вдруг шмякнется, его Делер поймает, – успокоил я Кли-кли.

Мы вошли в здание и, пройдя по длинному коридору, под завязку забитому волнуемыми студентами, очутились в зале, где, видимо, читают лекции.

Пол зала резко уходил вниз, к кафедре, возле которой какой-то седовласый преподаватель заставлял два десятка студентов смотреть, как он кромсает некой помесью пилы и ножа лежащий на железном столе труп.

– Господин профессор! – крикнул наш провожатый. – Я привел!

Профессор оторвался от попыток распилить череп несчастного покойника и, подслеповато сощурившись, посмотрел на нас:

– Ну наконец-то! Да как их много!

– зуб болит только у него, – поспешно сказал Делер, ткнув пальцем в сторону Халласа.

Халлас дернулся и, недобро сощурившись, посмотрел на карлика.

– Гном? Хм... Что же, это будет познавательно, – сказал профессор, откладывая пилу в сторону. – Проходите почтенный, проходите.

– Всё, други, – обреченно сказал Халлас. – Пришли за мной рачьи сани¹⁰.

– Иди, не бойся, – подтолкнул его Делер. – Гаррет, ты с нами?

– Нет, – сказал я. – Я лучше вот здесь на скамейке посижу.

– Ну и зря, такое представление пропустишь! – Кли-кли весело поскакал по лесенке вслед за Делером и Халласом.

Я сел на одну из скамеек и принялся наблюдать, как Халласа усаживают в кресло, поставленное рядом со столом, где лежал труп. Профессор помыл руки и взялся за нечто похожее на пыточный инструмент палача-садиста.

– Кто тот человек? – спросил Угорь, садясь рядом со мной.

– Ты о ком?

– О твоём друге. Басс, кажется?

– Да он мне и не друг. Теперь... – я запнулся и в свою очередь спросил: – Тебя терзает обыкновенное любопытство или есть серьёзная причина интересоваться моим прошлым?

Угорь немного помолчал. Он вообще по жизни молчун, иногда за целый день рта не раскрывает.

– И то и другое, если честно. Очень уж меня заботит, что неожиданно появился человек, хорошо тебя знающий.

– Думаешь, это не простое совпадение?

– Не знаю. – Угорь пожал плечами. – Ты вдруг увидел какого-то старого врага. Совпадение? Затем, буквально через несколько минут, появляется ещё один твой знакомый. Опять совпадение? В последнее время я склонен с опаской относиться ко всяким совпадениям и случайностям. И, прости, не доверяю никому, кроме себя. Нас ищут, ищут те же самые неизвестные, с чьей помощью погибли первые две экспедиции к Костяным дворцам.

– Откуда ты знаешь об этих экспедициях? – удивленно спросил я.

– А это тайна? – Угорь посмотрел на меня. – Весь дворец об этом по углам только и шепчется. И этот Басс, незнамо как свалившийся на нас, начинает меня немного волновать.

Зная железный характер Угря и то, что его практически нельзя смутить никакими неожиданностями, это «немного» в его устах имеет очень большое значение.

Угорь взволнован как никогда за все время нашего знакомства.

– Поэтому меня он и заинтересовал, – между тем продолжил гарракец. – Сейчас надо держать ухо востро и никому не доверять. Сторонники Неназываемого вылезают на свет как грибы после дождя.

Сторонники Неназываемого? Ха! Любезный гарракец ещё не сталкивался со сторонниками Хозяина! Вот кто способен подкинуть улей неприятностей в самый неожиданный момент! Это не говоря уже о Посланнике Хозяина, упоминание о котором навевает на меня такой животный ужас, что я готов отрезать собственную руку, лишь бы больше никогда с ним не встречаться и не слышать его голоса.

Я помолчал, собираясь с мыслями, потому как не люблю разговаривать с людьми о своей жизни. Чем меньше о тебе знают другие, тем сильнее ты защищён от разных неожиданностей. Фор вбил мне эту мудрость давным-давно, и со временем я стал понимать, что мой старый учитель был абсолютно прав. Никто в Авендуме не знал о чувствах и привязанностях Гаррета-тени, и никто не мог надавить на меня, используя для этой цели моих друзей и близких. Поэтому, мало болтая и занимаясь своими делами, я не очень беспокоился о неожиданном ударе в спину.

Молчаливому гарракцу я доверял. Наверное, Угорь был одним из немногих людей, кому я не боялся раскрыть и излить душу, зная, что все, что он от меня услышит, уйдёт с ним в могилу.

¹⁰ Тех, кого казнили в Рачьем герцогстве, с места казни увозили на саних. Отсюда такая поговорка.

– Мы были дружны с самого детства, – неожиданно для себя начал я свой рассказ. – Два вечно голодных и чумазных мальчишки, живущих в трущобах Авендума. Нам пришлось многое пережить вместе, Угорь... Голод, зимнюю стужу, облавы стражи... Чего только мы не испытали за те годы... Я и Басс держались друг друга и в общем-то кое-как сводили концы с концами до той поры, пока нас не взял под свое крыло один мастер-вор. Его звали Фором... Этот человек многому нас научил... Он попросту вбил в меня все, что должен знать приличный вор, чтобы в конце концов получить от гильдии звание мастера. Фор говорил, что у меня природный дар к воровству, может, так оно и есть. Басс оказался не таким. Когда мы жили на улице, по карманам прохожих шарил я, а не он. У Басса была другая страсть – карты и кости. Фор в конце концов махнул на моего друга рукой, а Басс все больше и больше затягивался в игру. Пару раз он влипал в неприятные ситуации, проигрываясь в пух и прах. Фор в то время был не последней фигурой в криминальном мире Авендума и мог отмазывать Басса от неприятностей. Но всему когда-нибудь должен наступить конец. Однажды, когда Бассу стукнуло двадцать, он крепко влип. Мой друг остался должен большую сумму Маркуну, этот человек долго был главой гильдии воров Авендума. Басс ничего не сказал ни мне, ни Фору. Он попросту взял наши деньги и пропал. Украл золото у своего учителя и у своего друга. Потом пошел слух, что ребята Маркуна пустили его под Пирс, но тела так и не нашли. Все эти двенадцать лет я и Фор считали Басса мертвым. Ну не мог он просто так исчезнуть и ничего не сообщить нам! А теперь представь себе мое изумление, когда я увидел его спустя все эти годы в Ранненге живым и здоровым. Все это время он был жив и даже ничего нам не сообщил!

– Да уж... – крикнул Угорь.

– Я удовлетворил твоё любопытство?

– Да, Гаррет. Будем надеяться, что ваша встреча была всего лишь совпадением... Ты не собираешься с ним встретиться и поговорить?

– Нет, он выбрал другую жизнь...

Угорь ничего не сказал. Он обратил свое внимание на то, что происходит у кафедры.

Профессор, зажав в руке пыточный инструмент, читал студентам лекцию.

– ...Как видите, зубочелюстная система гномов довольно близка к зубочелюстной системе человека. Но есть и определенные отличия: строение черепа и альвеолярных отростков челюстей гномов немного другое. Прикус у них прямой, а зубов у этой расы на порядок меньше, чем у людей, их всего лишь двадцать четыре, по двенадцать на каждой челюсти. Отсутствуют клыки и вторая пара премоляров. К сожалению, други мои, я не имею возможности показать вам зубы орков или эльфов. Но поверьте, у обеих рас они абсолютно идентичны, что доказывает их крайне близкое родство. Гиперразвитие клыков нижней челюсти привело у эльфов и Первых к развитию довольно специфического прикуса, при котором во время открывания рта нижняя челюсть смещается... Впрочем, мы отвлеклись. Причиной, заставившей прийти нашего сегодняшнего пациента, является верхний правый четвертый зуб. Я склонен предполагать, что фактором для возникновения боли послужило резкое переохлаждение организма. Но тут, конечно, желательно собрать анамнез, потому что на предположениях далеко не уедешь. Помню, был случай, когда мой пациент...

– Думаю, так продолжаться будет еще очень и очень долго, – хмыкнул Угорь.

Так думал не только гарракец. Некоторые из студентов откровенно скучали, Кли-кли с интересом приглядывался к блестящему ножу, оставшемуся лежать возле трупа, а Делер отчаянно зевал, прикрывая рот массивной ладонью. Халлас нетерпеливо ерзал в кресле, постепенно меняя цвет лица с бледного на багровый. В тот самый момент, когда говорливый профессор стал разбирать десятый клинический случай из своей практики, терпение гнома лопнуло.

– А-а-а! Клянусь ледяными червями! – взревел гном. И, соскочив с кресла, решительно протопал в нашу сторону.

– Куда вы, милейший?! – вскричал удивленный профессор. – А как же зуб?

Все студенты очнулись от спячки и, открыв рты, принялись глазеть на гнома.

Услышав вопрос, Халлас остановился, развернулся, показал всем присутствующим неприличный жест, от которого бедняга профессор схватился за сердце. Оставшись доволен результатом, гном с гордо поднятой головой направился к выходу.

– Вот и выдрали! – сплюнул Делер, поравнявшись с нами.

Кли-кли вообще ничего не сказал, лишь трагически вздохнул и шмыгнул носом.

– Ну и куда мы теперь, Халлас? – спросил Делер.

– Пить! – буркнул гном.

– Что? – переспросил карлик.

– Я сказал, что мы идем пить, – рявкнул Халлас. – Ты оглох? Может, хоть выпивка заглушит эту проклятую боль!

На выходе из здания мы столкнулись с тем самым пареньком, что привел нас к говорливому профессору. Гном вцепился в парня, как голодный гхол в кость с протухшим костным мозгом:

– Где здесь ближайший кабак?!

– Кабак?

– Да! Кабак, трактир, таверна или любое другое место, где можно напиться?!

– А! «Солнечная капля». Она совсем рядом с Университетом! Через парк и направо.

Гном потерял всякий интерес к нашему проводнику и стал спускаться по лестнице.

– Спасибо, – сказал пареньку Кли-кли. В отличие от гнома гоблин всегда старался оставаться вежливым и предупредительным парнем.

* * *

«Солнечную каплю» мы нашли без всякого труда, и Халлас решительно вошел в дверь этого заведения. Наверное, в Верхнем городе это был худший из всех трактиров. Несмотря на близость к Университету и школе магов, здесь собрались не самые благонадежные личности города. Мой настороженный взгляд сразу выцепил столик с пятью доралиссцами и столик, где сидели ребята, у которых на груди висели бляхи гильдии каменотесов. Доралиссцы и каменотесы недовольно косились друг на друга, но к активным боевым действиям пока не переходили. Склонен предполагать, что до драки дело не дойдет, пока ребята не опустошат еще пяток кувшинов с вином.

Еще одной опасной зоной в зале «Солнечной капли» являлись столы, за которыми расположился десяток Бездушных егерей, отмечающих, как я понял, увольнительную. Эти парни косились и на доралиссцев и на каменотесов. На простецких лицах воинов застыла мрачная решимость начистить рыло и тем и другим.

Конечно, в зале было полно и обычного, настроенного на более мирный лад люда, но напряжение явственно витало в воздухе, и хозяин трактира носился как угорелый, пытаясь разрядить обстановку.

– Гм... – произнес я, пытаясь перекрыть гул. – Может, поищем более спокойное место?

– Не бойсь, Гаррет, ты со мной! – произнес Халлас, садясь за единственный свободный столик, находящийся возле самой стойки.

Да я и не боялся. Попади завсегдатаи сего трактира в «Нож и Топор» – не сомневаюсь, они бы в обморок со страху упали. А здесь... Просто на кой лезть в берлогу, где ожидается драка? Себя по возможности надо беречь.

Перед нами как по волшебству выросла служанка.

– Этим четверым пива, а мне что-нибудь очень-очень крепкое, – сказал гном.

– Есть пшеничная настойка и крудр¹¹.

– Пшеничную настойку смешай с крудром, добавь темного пива и немного «Гномьего жара», – после недолгого раздумья решил гном. – «Гномий жар» у вас найдется?

– Поищем, господин.

Если служанка и удивилась странному выбору Хал-ласа, то не подала вида.

– Слушай, Халлас, – обратился к гному Делер. – Если ты жаждешь покончить жизнь самоубийством, то не стоит пить всякую гадость. Скажи мне, и я без колебаний отправлю тебя в свет.

На выпад Делера Халлас выбрал довольно странную для себя тактику – он попросту проигнорировал слова карлика.

– А мне, если можно, не пива, а морковного сока, – встрял в разговор Кли-кли.

– Такого у нас не подают.

– Ну, тогда какого-нибудь другого сока.

– Сока у нас нету, – уже не очень любезно сказала служанка.

– А молоко?

– Пиво.

– Ну тогда пива, – огорченно вздохнул Кли-кли. Служанка удалилась выполнять заказ.

– Какие люди и в каком месте! – раздался знакомый голос.

К столику подошли Фонарщик, Арнх и Сурок. Линг прыгнул с плеча Сурка, шлепнулся к нам на стол и стал шевелить розовым носом в надежде чем-нибудь поживиться. Кли-кли сунул Непобедимому под нос морковку, но тот лишь оскалился и тихонько завыл. Линг попросту плевал на попытки гоблина завязать с ним дружбу.

– Вас-то каким ветром сюда занесло? – не очень-то приветливо спросил гном вновь прибывших.

– Не вижу, чтобы ты радовался нашей встрече, – усмехнулся Арнх, присаживаясь на свободный стул.

Мумр и Сурок последовали примеру своего спутника, правда, Сурку пришлось брать стул от соседнего столика, где как раз сидели козлолюди. Доралисцы окинули воина нехорошими взглядами, но связываться не стали, посчитав, что рога и бороды не стоят какого-то стула.

– А он сегодня никому не рад, – ответил за гнома Делер.

– Зуб выдрали? – спросил Фонарщик.

– Слушай, Мумр, – раздраженно начал Халлас, – играй в свою дудку и не трогай меня!

– У-у-у, как все плохо, – огорченно покачал головой Фонарщик.

– Чего не выдрали-то? – включился в беседу Арнх.

– Передумал я! – не выдержал гном. – Передумать, что ли, нельзя?!

– Да ладно, Халлас, ладно, – добродушно успокоил гнома Арнх. – Передумал так передумал. Чего кричать-то?

Служанка принесла нам пиво, а Халласу его огненную болтушку и, получив заказ от трех присоединившихся к нам Диких, вновь удалилась.

– Вы сами-то как здесь очутились? – спросил я у Сурка, который усадил линга к себе на плечо.

– Да Арнх нас потащил по городу гулять, а на обратном пути мы сюда зашли горло промочить и вас увидели.

– А что интересного в городе? – спросил Кли-кли, осторожно нюхая принесенное ему пиво.

¹¹ Крудр – доралисская водка с резким запахом.

– Слушай, Кли-кли, – игнорируя вопрос гоблина, сказал Сурок. – Хватит болтать ножками! Ты мне все штаны испачкаешь.

– Извиняюсь, – сказал шут, хотя по его виду не очень было заметно, чтобы он сильно раскисался. – Халлас, а ты чего не пьешь?

– А ты? – огрызнулся гном, уставившись в свою кружку с пойлом, как будто там плавала змея.

– А я нюхаю! – нашелся Кли-кли. – Мне этого вполне достаточно!

– Я тоже.

– Да уж. Крудром из кружки воняет почище чем от козлов, – хмыкнул Фонарщик.

– Ну что за раса такая гномы?! – отхлебнув густого темного пива, хитро ухмыльнулся Делер. – Зубы драть бояться, заказывают огненную смесь, а пить опять же бояться.

– Кто это боится?! Это на кого ты намекаешь, шляпа?! На поле Сорна мы не побоялись вам рога пообломать, а выпить эту воду боюсь? На!

Халлас схватил кружку, способную поспорить размером с целым кувшином, и залпом, не передохнув, опрокинул ее себе в глотку. Меня передернуло. От капли гремучей смеси, которую с горя заказал гном, загнулся бы даже Х'сан'кор.

Гном выпил, крикнул, стукнул кружкой об стол, собрал разбежавшиеся в разные стороны глаза в одну точку и прислушался к своим ощущениям, раздувая ноздри. Все мы взирали на Халласа с неподдельным восхищением.

– Ну хы... – выдал гном, обдав нас непередаваемым ароматом смеси. – Ну хы... Ну хымия, мать вашу!

– Ты жив? – опасливо покосился на друга Делер.

– Нет! Я уже в свете! Так хорошо было только тогда, когда ты вытащил мою задницу с эшафота рачьего герцога! Зуб совсем не болит! Служа-анка! Еще три кружки того же самого!

– Ну что? – помедлив, спросил Сурок. – За Кота надобно выпить.

– Чтобы земля ему пухом, а травка покрывалом, – поднял свою кружку Фонарщик.

– Чтобы шел в свете, – поддержал Фонарщика Халлас.

– Удачной зимы ему, – пожелал Угорь.

Мы выпили молча, не чокаясь.

Вот так в жизни бывает: кто-то уже в свете, а кто-то еще жив. Кот навсегда остался в земле возле старого оврага Харьгановой пустоши. Первый погибший из тех, кто отправился сопровождать меня в Храм Спайн. Очень надеюсь, что, кроме разведчика Диких, больше за время нашего путешествия никто не умрет.

Мы потеряли Кота после того, как перед Вишками нам перекрыли дорогу маги с Бездушными егерями и отряду пришлось искать новый путь к Ранненгу. По предложению Медка, знающего эти места, Алистан направил отряд напрямик, через огромную Харьганову пустошь. Давным-давно в этих местах состоялось одно из множества сражений Войны Весны. Здесь, в сердце Харьгановой пустоши, люди всеми правдами и неправдами пытались сдержать наступающих на Авендум орков. Тут-то нас и настигло волшебство шаманов Неназываемого, пытающихся не допустить похода отряда к Костяным дворцам и Рогу Радуги. Вначале на пустошь рухнула магическая гроза, за которой скрылась надвигающаяся на нас беда. А когда мы увидели, что падает на отряд из багровой тучи, было уже поздно, и мы остались один на один с багровыми летунами. Кот, попытавшись уничтожить одну из тварей, погиб на месте, меня... Меня спасло лишь чудо, имя которому Вальдер.

Кто такой Вальдер? Что же, сейчас расскажу. Так уж случилось, что, ища в Запретной территории карты Храм Спайна, я каким-то образом засадил себе в голову дух архимага Ордена по имени Вальдер. Этот архимаг присутствовал как раз при событиях, когда Орден попытался использовать Рог Радуги против Неназываемого. В итоге, спасая проклятую дудку, Вальдер погиб, а через несколько веков его душа вошла ко мне в голову и отказалась из нее вылезать. К

счастью, я почти не вспоминал об архимаге, он все время спал глубоко внутри моего Я и большей частью особо себя не проявлял. В тот скорбный день, когда умер Кот, а я вот-вот должен был отправиться за ним следом, Вальдер неожиданно проявил себя и каким-то образом уничтожил тварь, летящую на меня, а затем призвал из неведомо каких далей призраков воинов, сражавшихся с орками в Войну Весны. Эти ребята смогли рассеять шаманство наших врагов, и все остались живы только благодаря Вальдеру. Дух архимага уже не раз выручал меня, и я ему благодарен до гроба, но все равно больше всего хочу только одного: чтобы он навсегда ушел из моей головы.

Время текло незаметно, люди приходили в трактир и уходили, каменотесы, доралиссы и егеря планомерно накачивались вином, и уже часа через два, когда передо мной стояла третья кружка пива, а перед Халласом восьмая кружка его огненной «лечилки», невесть откуда появился дед с дудочкой и заиграл веселую джангу. Самые трезвые и способные твердо стоять на ногах пустились в пляс. Арнх, подхватив под руки визжавшую вначале от возмущения, а потом от восторга служанку, влился в круговорот танца. Каменотесы весело подпевали, доралиссы стучали кружками об стол, а мы притоптывали ногами, стараясь попасть в такт музыке, и лишь Халлас не обращал внимания на всеобщее веселье и планомерно накачивался своим пойлом. Гном или карлик может выпить, не захмелев, столько, сколько не выпьет целая толпа людей. Но шести кружек, стоявших перед Халласом, вполне хватило, чтобы его язык стал весьма заметно заплетаться, нос покраснел, а глаза заблестели. Апофеозом лечения явилось признание гнома в искренней любви к Делеру.

– Эх ты! Шля-ляпа! Ик! Не будь твоей мо-морды передо мной, что бы я с-стал делать? – пьяно пробормотал гном и попытался снять с Делера его любимую шляпу. – Слу-луж-анка! Ик! Па-автарить!

Но Сурок еще полчаса назад незаметно от Халласа сказал хозяину трактира, что гному наливать хватит. Трактирщик было возмутился этому предложению, лишившему его заведение законного дохода, но, услышав, что пьяный гном способен устроить в «Солнечной капле» погром, с неохотой согласился больше не подносить Халласу хмельные напитки.

Прошло еще немного времени, а мои товарищи никуда и не собирались уходить. Теперь у них появилось новое развлечение – Мумр и Сурок принялись играть в гляделки с доралиссами. Каждая партия старалась пробуравить друг в друге дырку. Каменотесы, поняв, что у них, возможно, появились союзники, приободрились, а егеря задумались, на чью сторону встать в предстоящей драке.

В трактир веселой гурьбой ввалились господа студенты, решившие отметить успешную сдачу экзамена. Халлас тихонько закемарил на плече у Фонарщика, и Делер вздохнул с облегчением – гном-непоседа наконец-то от него отстал.

Как-то неожиданно за нашим столом возник спор о кулинарных изысках рас Сиалы. Карлик бил себя кулаком в грудь и говорил, что лучше, чем его народ, готовить никто не умеет, на что Кли-кли предложил разбудить Халласа и узнать его мнение на сей счет. Делер поспешно сказал, что будить его напарника не стоит, все равно гномы в еде ни шиша не понимают, достаточно вспомнить хотя бы, как Халлас кашеварил во время нашего путешествия.

– Вообще-то гоблины мастера приготовить что угодно, – высказал свое мнение Кли-кли.

– Угу, только нормальные люди вашу снедь употреблять не способны, – фыркнул Фонарщик.

– Вас, Диких, нормальными людьми назвать довольно сложно, – возразил Кли-кли. – Вы, небось, сами во время рейдов в Безлюдные земли всякую дрянь лопаετε!

– Бывало, – согласился Фонарщик. – Помню, однажды пришлось жрать мясо снежного тролля, еда, я тебе скажу, еще та!

– Тьфу! – Сурка передернуло от воспоминаний.

– Да ладно вам, – не согласился с товарищами Делер. – Мясо как мясо, только говнецом отдает.

– Во-во! Именно им, родимым, – поддакнул Фонарщик. – Меня тогда чуть наизнанку не вывернуло!

– Что-то я не заметил, – хмыкнул карлик. – После недели голодовки в снегах ты накинуся на это мясо, как будто это был не тролль, а телячья отбивная. За ушами так и трещало! А если бы дождался, пока я его прожарю, и не ел сырым, вообще бы на ура прошло.

– Гаррет, на меня можешь не смотреть, – отрекся от откровений Делера Арнх. – Я Стальной лоб¹², а не Шип¹³, мне такие страсти тоже в новинку.

– Все вы, Лбы, одним прахом мазаны, – махнул на Арнха рукой Сурок. – То ли мы, разведка! По всем Безлюдным землям мотаемся, а не сидим за стенами!

– Сомнительное удовольствие мотаться по Безлюдным землям, – не согласился житель Пограничного королевства. – Того и гляди огр на топор насадит или свену на глаза попадешься.

– Да ладно, – не вытерпел Кли-кли, нюхнув для бодрости пивка из кружки. – Разве это страсти в кулинарии? Мясо тролля! Ха!

Кли-кли соорудил гримасу, будто он пять раз на дню только и делает, что лопает мясо троллей.

– А ты пробовал более экстравагантные блюда? – с интересом спросил у гоблина Угорь.

– А то! – гордо произнес Кли-кли. – У нас даже есть древняя застольная песенка о такой еде!

– А ну-ка сваргань, – попросил Мумр.

– Лучше не надо! – замахал руками Делер. – Знаю я ваше зеленое племя! Вы хуже бородатых! Как начнете петь, так собаки на лигу в округе воют!

– Так петь или не петь? Вы определитесь. – В глазах у шута танцевали маленькие демоны.

– Да пой, пой, – вздохнул Сурок. – Ты ведь все равно теперь не успокоишься, пока не споешь.

– Ага! – радостно осклабился шут и тоненьким голоском придворной фрейлины запел незатейливую гоблинскую песенку о полезной еде.

По шаткой лестнице скорей.
Глотая копоть фонарей,
Спускаюсь я на склад.
Спешу вдоль пыльных стеллажей
Отведать квашеных мышей —
Горит мой хищный взгляд.
Мерцает пыльное стекло,
Воняет плесень тяжело,
Вскрываю жбан скорей.
Вдыхаю запаха струю
И с дрожью в пальцах достаю
За липкий хвост мышей.
Их сладкий запах душно-пряно,
А вкус оценит лишь гурман,
Их тонкий, нежный вкус.
Они осклизлы и мягки,
У них с кислинкою кишки

¹² Стальные лбы – подразделение тяжелой пехоты Диких Сердец.

¹³ Шипы, или Шиповники – разведчики Диких Сердец. Совершают рейды в глубь Безлюдных земель.

И длинный белый ус.
У них умеренный засол
И мутный вспененный рассол,
Его приятно пить.
Их клейкий, маслянистый сок
И лапок сморщенный комок
Мне не устать хвалить.
Не каждому дано понять,
Как может киснуть и вонять
Мышиная вода!
Прекрасны мышцы, спору нет,
Душист и сытен мой обед,
Любимая еда.¹⁴

– Хватит! – вместе завопили Фонарщик и Делер. Кли-кли прервал песенку и с веселой улыбкой оглядел наши вытянутые огурцами лица.

– Меня сейчас вывернет наизнанку, – процедил сквозь стиснутые зубы Арнх.

Лицо у него заметно позеленело, тонкий белый шрам, надвое рассекавший загорелый лоб, стал более заметен.

Сурок сгреб линга в охапку и убрал его подальше от Кли-кли.

– Теперь я понимаю, почему Непобедимый тебя кусает, – произнес Сурок. – Вздумаешь сожрать линга – убью!

– Дураки! – обиделся Кли-кли. – Это всего лишь застольная песенка. Мы не едим такую гадость.

– Кто вас, зеленых, знает, – переведа дух, ответил Делер. – Вы добренькие, добренькие, а потом бац, и нету.

– Да ладно вам! Что вы как маленькие? Давайте я лучше другую песенку спою, называется «Муха в тарелке».

– Еще одна такая песенка, Кли-кли, и я тебя стукну. Больно! – очень грозным голосом предупредил гоблина Мумр.

Кли-кли глянул на Фонарщика и решил не петь, трезво рассудив, что рисковать головой ради какой-то песенки не стоит.

– Господа хорошие! – К нашему столику подошел какой-то старикан. – Помогите инвалиду, купите ему кружку пива!

– Ты не очень похож на инвалида, – буркнул Делер, не получивший от богов дара щедрости.

– Но это так, – трагически вздохнул попрошайка. – Десять лет я скитался по пустыням далекого Султаната и оставил в песках все свои силы и состояние.

– Угу, – недоверчиво хмыкнул Делер. – В Султанате! Думаю, что ты от стен Ранненга за всю жизнь дальше десяти ярдов не отходил.

– У меня есть доказательство. – Старика немного качало, видно, за сегодняшний день он просил уже не первую кружку пива. – Вот!

Старик театральным жестом достал из-под грязного латаного плаща нечто напоминающее палец, только размером раза в три больше, да еще и зеленого цвета, да еще и с шипами, да еще и в цветочном горшке.

– И что это за зверь? – спросил Делер, опасливо отодвигаясь от непонятного предмета на безопасное расстояние.

¹⁴ Стихи Петра Овчинникова – Примеч. автора

– Эх, молодежь, молодежь, – покачал головой старик. – Совсем ничему не обучены. Это же кактуз!

– Какой еще на хрен кактуз? – не понял карлик.

– Всамделишний! Это ведь редкий цветок пустыни, обладающий целебным даром и цветущий раз в столетие.

– А! – недоверчиво рассмотрев редкий пустынный цветок, вынес свой вердикт Арнх. – А мне он больше напомнил не растение, а кое-что другое, вот только зеленое и колючее.

– Да ладно вам, купите деду пива, – вклинился в разговор Фонарщик.

– И не только деду, – пробурчал Халлас, открывая глаза. – И мне тоже! Только не пива, а той фигни, что я пил до этого. Зуб опять заболел!

– Ты спи, – шикнул на гнома Делер. – На сегодня пить хватит.

– Ага! – фыркнул гном. – Как же! Старикану, значит, можно, а мне ни-ни?! Я тебя даже слушать не буду! Вот сейчас встану и сам все себе возьму!

– Да куда ты встанешь, Халлас? Тебя же ноги не держат!

– Еще как держат! – возразил гном и, отодвинув табурет, встал. – Ну?! Съел?!

Халласа довольно заметно качало из стороны в сторону, сейчас он был похож на матроса во время шторма, разразившегося в море Бурь.

– Ты не исправим, – вздохнул Делер.

Халлас победно хмыкнул и, сделав пару шагов, столкнулся с идущим ему навстречу доралисцем. Доралиссец возвращался к своему столу с полной кружкой крудра, и ненароком подвернувшийся ему под ноги Халлас расплескал весь напиток козлу на грудь.

Гном пьяным взглядом окинул возвышавшегося над ним козлочеловека, улыбнулся и сказал то, что совсем не стоит говорить представителю расы доралисцев:

– Привет, козел! Как жизнь?

Доралиссец, услышав смертельное для его народа оскорбление (то есть слово «козел»), без всяких заминок влепил кулаком гному по зубам. Делер видя, что какой-то козел смеет бить его друга, обиженно взревел и, схватив стул, на котором только что сидел Халлас, обрушил его на голову доралисцу. Стул разлетелся в щепки, а вот голова оказалась не в пример прочнее – она, как того и следовало ожидать, не развалилась, но доралисцу такого удара все равно хватило за глаза, и он как подкошенный рухнул на пол.

– Мумр, пособи! – попросил Делер.

Фонарщик бросился к карлику, помог поднять потерявшего сознание доралисца и отправить его в далекий полет к столу егерей. Солдаты приняли доралисца с расprostертыми объятиями и сразу же отправили домой, к столику, из-за которого уже вставали немного злые и расстроенные козлолюди. У Бездушных опыта в запуске бессознательных тел было не так много, как у Делера и Фонарщика, поэтому доралиссец не долетел до намеченной цели и рухнул на каменотесов. Те будто только и ждали такого сюрприза – ребята повскакивали с мест и с кулаками ринулись на егерей. Доралисцы проигнорировали начавшуюся бучу между воинами и каменотесами и бросились к нам.

Кли-кли пискнул и нырнул под стол. Я, зная, какой неимоверной силищей обладает ошибка богов, имя которой доралиссец, схватил со стола легендарное растение кактуз и запустил его в рыло ближайшему нападающему. Владелец кактуза и моя цель закричали в одно и то же время. Старикан бросился спасти из-под копыт козла свое бесценное растение, а доралиссец, противно блея, выдерживал из носа колючки.

К этому времени драка приняла вселенский размах и боевой задор Веселых висельников¹⁵. Все дрались со всеми. По воздуху летали пивные кружки, выискивая зазевавшихся осто-

¹⁵ Веселые висельники – солдаты, набираемые в армию из бывших каторжников, преступников и пиратов. При вступлении в ряды армии Валиостра им прощаются все бывшие прегрешения. Выполняют функции морской пехоты. Славятся своими

лопов. Одна чуть было не угодила в голову Сурку, и если бы он не успел выставить перед собой табурет... лежать бы Сурку на полу рядом с потерявшим сознание Халласом.

Причитающий хозяин заведения попытался остановить разгром его собственности, но словил на темечко кружку, брошенную чьей-то ловкой рукой, и, удивленно икнув от такой несправедливости богов, свалился куда-то под стойку. Еще одна кружка грохнулась в кучку студентов, и они с воплем «Наших быют!» ринулись в атаку на егерей.

Я отпрыгнул за стол, предоставляя право Диким получать все пинки и шишки, благо это их прямая обязанность – защищать меня от всевозможных неприятностей.

– Гаррет! Не крутись под ногами! – прорычал Делер, устремляясь к одному из доралиссцев.

Карлик подбежал к врагу, примерился и пнул его между ног. Доралиссец отпрянул, а Делер взыв, схватился за ушибленную ногу. Угорь, Фонарщик и Сурок образовали клин и давали жару всем, кто рисковал подойти на расстояние удара. Угорь, служивший острием клина, выдавал скупые удары кулаками, точные и размеренные, и тот, кто после ударов гарракца еще держался на ногах, попадал под раздачу к Фонарщику или Сурку. Линг на плече у последнего впал в бешенство и пронзительно визжал, норовя укусить любого, кто подвернется под его зубы. Поняв, что остаться на плече у хозяина – это пропустить все веселье, Непобедимый прыгнул на лицо ближайшего врага и вцепился тому зубами в нос. Непобедимый так и провисел на носу горемыки, пока на помощь ему не подошел Сурок, сваливший укушенного на пол тремя точными ударами.

– Гаррет! Подвинься!

Арнх отеснил меня в сторону и, схватив за грудки одного из егерей, ударил того головой в нос. Затем еще одного драчуна постигла та же самая участь. А затем еще одного. Воистину, лысая голова жителя Пограничного королевства оказалась страшным оружием. Но на любого дракона найдется своя баллиста. Один из каменотесов подкрался к Арнху сзади и ударил воина по затылку бутылкой. Бутылка разлетелась вдребезги, Арнх покачнулся, а каменотес, ободренный успехом, стал поднимать острые осколки для повторного удара. Выскочивший из-под стола Кли-кли со всей дури огрел врага по ноге. Тот выронил из рук оружие и, сыпля проклятиями, попытался схватить Кли-кли за шкурку, но проворный гoblin проскользнул между ног человека и отвесил каменотесу сочный пинок в задницу. Я внес свою скромную лепту тем, что для полного счастья подарил парню смачный удар в живот. Каменотес согнулся в три погибели и постарался удержать ужин в желудке. Кли-кли самым бесцеремонным образом повторно пнул врага в пятую точку, а я врезал ребром ладони по шее. Парень обиженно закатил глаза и рухнул на пол.

– Ты в порядке? – спросил я у Арнха, на всякий случай придерживая его за плечо.

– Угу, – проямлил воин. На его затылке выростала очаровательная лиловая шишка. – Кто это так меня?

– Вот он! – Кли-кли ткнул пальцем в лежавшего на полу человека.

– Пни его за меня, пожалуйста – попросил Арнх, и Кли-кли старательно исполнил просьбу товарища.

– Становится слишком жарко! Пора сваливать! – Под глазом у Фонарщика появился, простите за каламбур, наиогромнейший фонарь.

– Фигу вам! – пропыхтел Делер, отбиваясь табуретом сразу от двух доралиссцев. – Веселье только начинается! Вы будете глазеть, или мне хоть кто-нибудь поможет с этими козлами?!

– За козлов отвэээтишь! – проблеял один из доралиссцев, обрушивая кулак на низкорослого карлика сверху.

Делер отскочил в сторону, вмазал табуретом по ребрам бывшего его доралиссца и отпрыгнул назад, пропуская на свое место «тяжелую кавалерию» в виде пятерых воинственно настроенных егерей. Ребята виноградной гроздью повисли у доралиссцев на плечах и с солдатской основательностью принялись обрабатывать их морды кулаками.

Вокруг Угря образовалось свободное пространство. Никто больше не рисковал попробовать свои силы на гарракце. Наверное, мне показалось, но, по-моему, Угорь немного расстроился из-за такого поворота события. Он только вошел во вкус, и на тебе такое горе!

– Стоять можешь? – спросил я у Арнха, осторожно опуская его на единственный уцелевший табурет. (Все другие пали жертвой Делера).

– Да что со мной сделается? Чай не фарфоровый, – морщась, зашипел Шрам¹⁶ и потрогал шишку у себя на затылке.

– А студенты-то ребята бойкие! – Сурок наконец закончил чесать кулаки о рыло самого здорового каменотеса и теперь с академическим интересом наблюдал за свалкой в соседнем углу трактира.

Студенты подошли к драке со студенческой находчивостью и бесшабашностью. Перевернув несколько столов, они устроили с их помощью импровизированную баррикаду и сначала провели, как говорят гномы, артиллерийскую подготовку, используя для этого пивные кружки, и только потом с дружным ревом набросились на Бездушных егерей и им сочувствующих.

Кто-то из побитых попытался доползти до выхода и улизнуть, но не успел. Дверь попросту слетела с петель, и в заведении появились стражники.

– Никому не двигаться! Все арестованы! – заорал кто-то из стражи, но тут же получил пивной кружкой в шлем и, тряся головой, рухнул на колени.

Стража обиделась, что никто не воспринимает ее серьезно, и каменотес, собравшийся отправить в их сторону бутылку, упал с арбалетным болтом в ногу.

– Тикаем! – закричал кто-то из студентов.

Самые сообразительные стали покидать «Солнечную каплю» через разбитые окна.

Сурок недолго думая вытащил из-под стойки перепуганную служанку:

– Где черный ход?

– Там! – девушка кивнула в сторону кухни.

– Сваливаем, ребята! Я не собираюсь объясняться со стражей! – Сурок бросился в указанном служанкой направлении.

Весь наш отряд дружной гурьбой последовал его примеру. Фонарщик и Делер во время тактического отступления не преминули настучать по тылке последнему из оставшихся на ногах доралиссцев.

– Сто подлунных королей! – хлопнул себя по лбу карлик. – Халласа, ядрить его бороду, забыли!

Стражи в таверну битком набилось. Они уже теснили дерущихся, и Халласа пришлось вытаскивать чуть ли не из-под ног служителей закона.

Гном кое-как очухался и, поддерживаемый Делером и Мумром, стал ковылять к черному ходу. Мы, перепугав повариху, проскочили кухню и выбрались на улицу. Делер по дороге пел боевой марш карликов, Кли-кли подпевал ему тоненьким голосочком, Фонарщик довольно хрюкал. Ребята искренне радовались, что размялись.

Мы, как оказалось, довольно долго просидели за пивом, на улице уже успело стемнеть. Выскочив в какой-то темный переулок, мы бросились прочь от трактира, но Халлас остановился как вкопанный и заорал:

– Мой мешок!!!

¹⁶ Арнх (орж.) – буквально Шрам.

Гном оттолкнул в сторону попытавшегося задержать его карлика и нырнул назад, в дверь таверны.

– Вот идиот! – зашипел Сурок.

– Вляпается! Как пить дать вляпается! – Делер собрался ринуться на помощь другу.

– А ну стой на месте! – осадил его Угорь. – Я не собираюсь сразу двоих из кутузки вытаскивать.

Делер пробурчал сквозь зубы гномье ругательство, но остался на месте, с нетерпением глядя в сторону светлого прямоугольника распахнутой двери трактира. Минута тянулась бесконечно долго...

Наконец Халлас попросту вылетел из двери и помчался в нашу сторону. Его вожаемый мешок уже был закинут за спину.

– Эх, жаль, тот козел не проломил твою тупую голову! – произнес Делер, но в его голосе сквозило несказанное облегчение.

– Пошли, – скупно сказал Угорь, принявший командование над нашим немногочисленным отрядом.

– Сурок, ты мышку в таверне не забыл? – встревоженно спросил Кли-кли.

– Я быстрее тебя забуду, чем Непобедимого, – проворчал Сурок.

– У-у-у, злой ты, – обиделся гоблин. – И вообще, плохой сегодня выдался день!

– Это еще почему? – удивился Арнх. – У тебя же, по определению, не бывает плохих дней.

– Ну посуди сам, – сказал Кли-кли, стараясь приноровиться к шагу Арнха. – Приперлись в город, прошастали весь день, Халласу зуб так и не выдрали, а завтра нужно двигаться дальше, если, конечно, мы не намереваемся прибыть в Заграбу к ноябрю.

– Да ладно, не опоздаем. У нас до января куча времени, – не согласился Сурок.

По предположению короля и его советников армия Неназываемого явится в Валиостр в мае, когда хоть немного растают снега на С'у-даре и появится возможность добраться до гор Отчаяния и Одинокоего Великана, охраняющего единственный проход из Безлюдных земель в Валиостр. Согласно Заказу, я должен был принести Рог Радуги из Храд Спайна в Авендум к началу января, чтобы у Ордена осталось время разобраться с поделкой огров до того момента, как колдун нагрянет к нам на огонек.

Если у меня все получится, в чем я лично глубоко и трепетно сомневаюсь, и Рог попадет в руки магов, Орден обязательно захапает себе всю славу, и никто и словечком не вспомнит скромного вора, таскавшего каштаны из огня для победы над врагом королевства. Нет, не подумайте, я не жалею! Мне эта слава нужна, как таракану свет на кухне. С ней намного неудобнее чистить закрома раздутых от денег богатеев и бегать наперегонки с охраной герцогов, к тому же король обещал мне пятьдесят тысяч золотом.

Пятьдесят тысяч. Пятьдесят. Золотом. Ух! Иногда я смакую эту цифру.

Понимаю, делить шкуру неубитого бура рано, но если все пройдет как по маслу, то на эти деньги смогут безбедно существовать поколений двенадцать моих будущих внуков. Как я знаю, состояние графа Алистана оценивается всего лишь в двадцать две тысячи золотых, а тут пятьдесят. Тысяч.

Бр-р-р! Что-то я раньше времени слюну пустил! Деньги надо еще заработать, а для этого нам придется хотя бы забраться в Храд Спайн. Поправка! Мне придется забраться в Храд Спайн.

– Эх, – огорченно вздохнул Халлас. – Забыл!

– Чего ты еще забыл? – недовольно спросил Мумр. – Мешок же у тебя.

– Трубку забыл! Трубку! Выпала, должно быть, когда этот огром дранный козел саданул меня по роже!

– Ну и славно. – Делер не переваривал табачного дыма. – Хоть немного отдохнешь от курения.

– Трубка! Из вишни! – между тем продолжал сокрушаться Халлас. – Семейная реликвия! Вернуться, что ли?

– Только попробуй. С Дядькой сам будешь разбираться, – предупредил гнома Угорь.

– А, ладно, – сплюнул Халлас. – У меня в седельной сумке запасная была.

– Как твой зуб? – не удержавшись, спросил я у гнома. Халлас что-то подозрительно долго не ныл.

– Нету его, слава Сагре!

– ...?

– Да этот козел так саданул, что выбил его к карликовой бабушке!

– Видишь, Халлас, – захохотал Делер. – Какого ты себе знатного цирюльника нашел. Рогатый, тупой, и бороденка имеется! Ну прямо как ты! Ребята! Они нашли друг друга!

В темном переулке раздался взрыв смеха, причем Халлас смеялся наравне со всеми.

Три раза мимо пробежали поднятые по тревоге стражники, и нам приходилось таиться в тени зданий. Угорь решил не рисковать, и мы сделали большой крюк, чтобы не попасть под руки растревоженным, будто осы ранней осенью, блюстителям порядка. Наконец мы вышли на улицу, ведущую к «Ученой сове».

Во время прогулки до дома от нас шарахались те из немногих прохожих, что оставались на улицах. Вполне оправданная предосторожность. Как бы вы себя повели, если бы вдруг наткнулись на донельзя странных типов, совсем недавно побывавших то ли в драке, то ли в битве, то ли в самой тьме? У гнома разбиты губы, у Фонарщика фингал под глазом, на голове Арнха большущая шишка, да и остальные выглядели весьма потрепанными. На наше счастье, по дороге мы никого не встретили.

Возле нашего трактира зазевавшийся и все еще немного не отошедший от огненного пойла Халлас второй раз за день столкнулся с каким-то прохожим. Прохожий отпрыгнул и осоловело уставился на нашу разномастную компанию. Я узнал этого человека – цирюльник с Большого Рынка, просивший за удаление зуба три золотые монеты. Он нас тоже узнал и, еще раз оглядев наши побитые рожи, встретился взглядом с крайне хмурым Халласом. Понимая, что сейчас его могут очень-очень сильно побить, цирюльник пошел на уступки:

– Один золотой, почтенный гном! Только для вас!

Удивительно, но Халлас в драку не полез, а сложил из пальцев кукиш, поднес его под нос цирюльника, попытался улыбнуться так, чтобы была видна щель между зубами, и злорадно произнес:

– Один золотой? А фигу с маслом не желаешь?!

Глава 4

Неприятности начинаются...

До трактира мы добрались без всяких приключений. Когда я говорю «без всяких приключений», то подразумеваю, что во время пути домой не произошло ничего ужасного. Мумр не пытался выдуть из дудки клич одуревшего от счастья осла, Халлас ни с кем не поругался и не подрался, Кли-кли не задирали юбки у почтенных матрон, не пел пошлых песенок и не корчил рожи страже, а Угорь никого не прирезал по доброте душевной. Гулять с моими товарищами по городу – все равно что танцевать джангу с Неназываемым на тонком фарфоровом блюде, подвешенном над пропастью, заполненной кипящей лавой (того и гляди, то ли колдун тебя поджарит, то ли блюдо разобьется, и ты примешь довольно неприятную ванну в горячей лаве).

– Дом, милый дом! – пропел Кли-кли, проскальзывая в ворота «Ученой совы». – Ай! Ты что?! Больно же!

Последние фразы гоблина относились к Угрю, который рачьей хваткой вцепился в плечо шута.

– Стой на месте, – прошептал Угорь. – Здесь что-то не так. Гаррет, что-нибудь замечаешь?

– Слишком тихо, – ответил я, осматривая полутемный двор. – Фонарь над входом не горит! Он, кажется, разбит... Ни одного слуги, а утром они во дворе вились как мухи. Огни горят только на первом этаже.

– Неприятности? – Кинжал Сурка, тихо звякнув, покинул ножны.

– Не знаю, – буркнул Угорь, отпуская Кли-кли и обнажая парные гаррацкие даги. – Но не припомню, чтобы утром в стенах торчали арбалетные болты! – Только тут я заметил, что в стене трактира, сейчас прекрасно освещенной светом луны, сиротливо застрял арбалетный болт.

– Рассыпаться, – отдал команду Делер. – Гаррет, ты вор, подкрадись и попробуй заглянуть в окно. Надо узнать, какие гости к нам пожаловали.

Угу! Я вор, но не самоубийца!

Но сказать я это не успел. В тени возле двери шевельнулся темный силуэт, сверкнули янтарные глаза, и неизвестный произнес:

– Где вы были столько времени?

На несколько долгих секунд мое сердце рухнуло куда-то вниз и на три удара замерло испуганным кроликом. Увидев желтые глаза, я решил, что мы нарвались на Посланника Хозяина, и я так перепугался, что не сразу узнал голос Элла. Желтые глаза эльфа светились в темноте ничуть не слабее глаз проклятого Посланника.

– Что случилось, Элл? – Кли-кли было ринулся к эльфу, но его остановил холодный приказ Угря:

– Стой, Кли-кли.

Гоблин замер как вкопанный и посмотрел на воина. Гарракец так и не убрал даги обратно в ножны.

– Ты Элла не узнал?

– Выйди на свет, Элл. Будь так добр, – вместо ответа гоблину мягко попросил гарракец у эльфа.

Слишком уж мягко и спокойно! В эту минуту Угорь был напряжен, как натянутая тетива лука, вот-вот готовая послать стрелу в цель.

В чем он подозревает эльфа?

Глупый вопрос. Воин, как и я, должен был помнить рассказ Миралиссы о том, что некоторые слуги Неназываемого могут менять облик и становиться чьими-то знакомыми или вообще

невидимыми. Одну из таких тварей Кот и Эграсса убили во время нашего пути возле лагеря шаманов.

– В чем дело, Угорь? – довольно неприветливо процедил эльф.

Гарракец не доверял темному, а для эльфа необоснованное недоверие – это достаточно серьезно оскорбление. Настолько серьезное, что дело может дойти до поединка. Но Угорь – парень не робкого десятка, он знает, на что идет.

– Ты просто выйди на свет, и все. Сам знаешь, в последнее время странные вещи вокруг нас творятся.

Элл не стал дальше спорить и, выйдя из тени трактира на лунный свет, вопросительно посмотрел на Угря. Элл как Элл, точно такой же, каким я его видел в тот момент, когда мы покидали трактир. Смуглая кожа, черные губы, пепельные волосы с челкой, ниспадающей на желтые глаза, здоровущие клыки, вышитая черная роза на рубашке – эмблема дома Эллы, тяжелый асимметричный эльфийский лук в руках и неизменный с'каш¹⁷ за спиной. Губы к'лиссанга Миралиссы растянулись в едва заметной насмешливой улыбке.

– Ну как? Похож? Я смог убедить тебя, воин?

Угорь угрюмо молчал, изучая лицо эльфа. Делер как бы невзначай прынул влево, а Арнх вправо, обходя темного по флангам.

– Если бы я захотел, то вы бы и десяти шагов не сделали, – выложил на стол козырного туза эльф.

Что верно, то верно. Элл, в отличие от Миралиссы и Эграссы, не обладал познаниями в шаманстве (магия – это дело высших родов эльфийских домов и шаманов), а вот стрелял Элл из своего страшного лука отменно, и каждый из нашей семерки, захоти этого эльф, получил бы стрелу в глаз, прежде чем Кли-кли успел бы сказать «Бу!».

– Да, это ты, – кивнул Угорь и, не спуская взгляда с эльфийского лука, убрал даги в ножны. – Прости.

Раскаяния в голосе гордого гарракца не чувствовалось.

– Похвальная предосторожность. – Губы Эллы дрогнули в улыбке. Эльф решил забыть об оскорблении, по крайней мере на время.

– Что случилось, Элл? – спросил Кли-кли.

– Идите в дом, Миралисса все расскажет. А потом кто-нибудь смените меня... Медка еще надо найти.

– Куда он поперся на ночь глядя? – Делер недоумевал, как и все остальные.

– Все вопросы к Миралиссе, – ответил ему эльф и скрылся в тени.

– Так, чую, на нас свалилось какое-то дерьмо! – с горечью сказал Сурок, направляясь к двери трактира.

– Чего это с Эллом? В тени прячется да загадками говорит? – спросил у меня Кли-кли. – И Угорь сегодня какой-то странный...

– Я знаю столько же, сколько и ты, шут.

– В тени прячется! Ха! А глазищи так и сверкают! Даже слепой его заметит, а уж гном точно! – бахвальски рассудил Халлас.

– Ты не прав, – покачал головой Угорь. – Он захотел, чтобы мы его заметили. Не недооценивай эльфа, гном.

Халлас крикнул, дернул себя за бороду и вошел в трактир, но своего мнения об эльфийской способности сидеть в засаде гном, по-моему, не изменил. Я последовал за Халласом и остолбенел на пороге, едва не врезавшись гному в спину. Сил присвистнуть от удивления хватило только Фонарщику.

¹⁷ **С'каш** (орк.) – или Крюк. Ятаганообразный клинок, но в отличие от ятаганов орков имеет заточку на внутренней, вогнутой стороне клинка.

А свистеть было от чего! Во-первых, по трактиру вился просто одуряющий винный запах. Пол был мокрым от впитавшегося в доски вина, густой винный дух поселился в зале трактира и теперь стучался в наши головы. Причиной всего этого безобразия оказалась большая винная бочка на стойке, которую продырявила пятком арбалетных болтов какая-то сволочь. Все вино, естественно, вылилось на пол и чуть не затопило трактир.

В дубовой двери, ведущей на кухню, было полно болтов, еще столько же мы увидели в стенах. Столы и стулья большей частью перевернуты или сдвинуты. Но не это заставило свистеть Мумра. Возле стойки лежало шесть тел. Одного мертвеца я узнал – это был трактирщик, мастер Пито. Трое других, как я понял, – его помощники-слуги. Два оставшихся тела мне были незнакомы, но в отличие от несчастного трактирщика и его слуг, убитых болтами, эти двое были изящно изрублены на куски.

В самом центре зала, возле стола, заваленного оружием, сидели Миралисса, Эграсса и Алистан. Милорд Маркауз невозмутимо очищал от крови батарейный меч канийской ковки, эльфы негромко разговаривали друг с другом. Дядька сидел прямо на стойке трактира, сжимая в левой руке пивную кружку. Правое плечо у десятника оказалось забинтованным. Сквозь белую ткань повязки проступила кровь.

– Явились, гори ваши души! – выругался он, как только увидел нас. – Какого дьявола шляется, когда вы здесь нужны?! Я вам, мать вашу, сейчас головы поотрываю, засранцы! Я, ядрючий козел танцуй на ваших костях, сам должен за всех отдуваться?!

– Что случилось, Дядьку? – спросил Делер.

Дядька, нисколько не стесняясь Миралиссы, принялся излагать в доступной для нас форме, более подходящей в разговоре между портовыми грузчиками, что тут произошло и что нам теперь следует со всем этим делать. Из его монолога я смог вынести всего четыре более или менее ценных слова – «у», «на», «пошли», «в».

Никто перебивать Дядьку не рискнул, и десятник, выговорившись, махнул на нас рукой:

– А! Что с вами, раздолбаями, разговаривать!

Граф Алистан ничего не сказал по поводу нашего долгого отсутствия, но взгляд его был отнюдь не ласковым.

Дела, как оказалось, приняли крутой оборот.

После того как мы ушли из «Совы», Арнх, Сурок и Фонарщик тоже решили свалить в город. У темных неожиданно появились свои дела, и трое эльфов отправились узнавать у какого-то информатора об обстановке на восточном берегу Иселины. В трактире остались только Алистан, Дядька, Горлопан и Медок, начавшие дегустировать пиво и закуски мастера Пито, да пребудет он в вечном свете!

Не прошло и часу, как в трактир вломились неизвестные с арбалетами. Ребята без всяких объяснений попытались отправить всех находившихся в трактире в свет. Медок вовремя сдернул Дядьку со стула, и десятник вместо сердца получил арбалетным болтом в плечо. Мастеру Пито и его слугам повезло меньше. Несчастных хладнокровно нашпиговали болтами. Медок с Дядькой рванули в сторону спасительной кухни, а Алистан, прежде чем отступить вслед за Дикими, поработал мечом и отправил двоих врагов, уже разрядивших арбалеты, во тьму. Воевать с остальными не было смысла, против арбалетного болта, пущенного в упор, спасал не каждый доспех, не говоря уж о простых рубахах, бывших в это время на воинах. Дикие забаррикадировали дубовую кухонную дверь, а нападающие даже не попытались ее выбить.

– Мы для них были всего лишь помехой, и не более того. Раз не мешаем, то и нечего с нами связываться, – с горечью произнес милорд Маркауз.

А вот Горлопану не повезло – когда воины отступали на кухню, он находился на другой стороне зала под прицелом троих арбалетчиков.

– Когда они ушли, а мы выбрались, – продолжил Алистан, – вся стена, возле которой эти ублюдки застали его врасплох, была утыкана болтами, а на полу море крови.

– Я не вижу его тела, – Угорь кивнул в сторону лежащих возле стойки мертвецов.

– Мы тоже не увидели.

– Думаете, они забрали его с собой? Но зачем?

– Не знаю, может, он был еще жив?

Жив? В нашем мире слишком мало чудес, чтобы надеяться на такой исход событий.

Я отчего-то нисколько не сомневался, что Горлопан уже мертв. Если нападавшие без зазрения совести убили безобидного трактирщика, то опытного воина они должны были пристрелить на месте. А тело? Мало ли для чего им могло понадобиться тело?

Еще одна невосполнимая потеря для отряда. Прощай, Горлопан. «Ржавчиной пахнут цветы...»¹⁸

– Чего хотели эти люди? – спросил я у Миралиссы, отвлекаясь от раздумий о гибели еще одного нашего товарища.

– Ключ, Гаррет. Они забрали ключ.

Час от часу не легче! Сегодня судьба со своей сестричкой-удачей явно от нас отвернулась.

– Какой еще ключ?! – Делер, впрочем, как и все Дикие, ничего не знал ни о каких ключах. Миралисса и Алистан не посчитали необходимым рассказать членам отряда об эльфийской святыне.

– Без этого ключа будет довольно проблематично попасть в сердце Храд Спайна, – пояснил я карлику. – В общем – это важная штука, без которой нам можно никуда не ехать, а спокойно дожидаться прихода Неназываемого в Ранненге. Нет ключа, нет Рога Радуги.

– Штихс! – Карлик произнес ругательство на гномьем языке и еще больше нахмурился. – И как они про этот ваш ключ смогли прознать?

– Кто знает? – Эграсса снял с головы серебряный обруч и швырнул его на стол. – В людских городах слишком много болтливых птичек! Кто-то знал, кто-то сболтнул, кто-то услышал и начал действовать. Мы потеряли одну из главных эльфийских святынь!

Где-то полторы тысячи лет назад, когда орки и эльфы только-только отстроили верхние залы Костяных дворцов (после того как перестали спускаться на более низкие ярусы огров), обе расы считали Храд Спайн священным местом и не рисковали проливать в его лабиринтах кровь друг друга. Но ненависть оказалась сильнее ее – кровь первых молодых рас нашла себе дорогу в подземельях. Дворцы стали смертельны как для Первых, так и для эльфов.

С тех давних пор Храд Спайн всегда был опасным местом, там было много такого, о чем даже огры рассказывали шепотом. До сих пор остается неизвестным, кто (или что) заложил основу Костяных дворцов глубоко под землей в те времена, когда и раса огров еще считалась молодой. Это ведь потом огры превратили Храд Спайн в могильники (а затем их дурному примеру последовали орки, эльфы и люди), но каково было истинное предназначение подземных лабиринтов, так никто и не понял. Раса огров освоила нижние ярусы, начала создавать свои и потеряла разум, превратившись в тупых и кровожадных животных. Эльфы и орки пришли ограм на смену, но были умнее своих предшественников и не стали лезть не только в мрачные глубины яруса Ночи, но даже не рисковали спускаться в бывшие владения огров, опасаясь разбудить их темное шаманство. Но то, что не сделал разум молодых рас, сделала их кровь. Кровь и ненависть. Ненависть и кровь. Две стороны одного и того же меча, пробившего брешь в печати равновесия. Эльфы и Первые вовремя догадались убраться с дороги пробудившегося зла и закрыть ему путь с помощью Створок. Прежде чем древнее зло подземных чертогов успело вырваться наружу, эльфы установили на третьем ярусе огромные Створки, созданные с помощью магии шаманов темных и волшебников светлых эльфов. Эти Створки перекрыли проход между ярусами Храд Спайна как с той, так и с этой стороны. Чтобы замкнуть Створки,

¹⁸ Отрывок из «Прощения» – погребальной песни Диких Сердец.

эльфам понадобился магический ключ, и за помощью они обратились к карликам. Ключ на века замкнул Створки, и немногие отваживались спускаться в глубину Дворцов по обходному пути. Пути, по которому отчего-то не могло пройти зло.

После того как Створки были заперты, ключ надолго поселился в Листве¹⁹, и лишь в этом году дом Черной луны забрал ключ из дома Черного пламени и передал его Миралиссе.

Миралисса отвезла ключ Сталкону, зная, что тем, кто отправится в Храд Спайн, без магического ключа никак не обойтись. Путь через Створки третьего яруса – самый быстрый и самый безопасный, ну или относительно безопасный, ведь если идти через Створки, у меня есть призрачный шанс вернуться. А вот если идти обходным путем... Бр-р-р! Даже думать об этом не хочу!

Во время путешествия, точнее на одной из остановок во время нашего путешествия, Миралисса «познакомила» ключ с моей персоной. Познакомила – это еще мягко сказано! Эльфийка провела целый ритуал, чтобы ключ узнал меня и стал подчиняться в тот момент, когда я буду открывать Створки. Во время шаманства эльфийки я увидел множество снов и чуть было не отправился в места столь далекие, что вернуться из них можно только с помощью богов.

С момента, когда я чуть не отправился к праотцам, я старался держаться от ключа как можно дальше, оставив его на временное попечение Миралиссы. И получается, что зря оставил. Будь ключ у меня, эти неизвестные грабители и убийцы остались бы ни с чем. Хотя... Если наши прыткие друзья знали, где искать ключ, они вполне могли и меня подстеречь... Как там говорят низинцы после очередного разлива великой реки Оршалы: «Все что ни делается – к лучшему». Вполне вероятно, что, не взяв ключ той ночью, я сохранил себе жизнь.

– Без ключа мне проще сунуть голову в пасть огру и целой и невредимой вытащить ее обратно, чем совершить прогулку по Храд Спайну. Все наше предприятие становится очень и очень безнадежным. Есть какие-то идеи по поводу, что нам делать дальше?

– Ждать, – ответил мне Эграсса и машинально провел пальцем по серебряному обручу. – Теперь мы будем ждать...

– Чего ждать? Или кто-то надеется, что эти парни будут настолько глупыми, что вернут нам ключ вместе с искренними извинениями?

– Треш Эграсса дело говорит – не нервничай, Гаррет. – Дядька окунул бороду в пивную кружку.

– Я и не нервничаю.

– Ну вот и правильно. Медок пошел следом за похитителями.

– Медок?!

– А кто еще?! Не вас же, обормотов, дожидаться, – ворчливо ответил мне десятник. – Господ эльфов не было, я ранен, милорд Алистан рыцарь, а не следопыт. Вы шляетесь по кабакам да морды бьете! Только Медок и оставался.

– Давно он ушел? – спросил Сурок.

– Давно, часа два...

– Халлас, хватит расслаиваться. – Делер двинулся к выходу. – Элл просил его сменить, думаю, он еще сможет нагнать Медка.

Гном с карликом вышли на улицу, чтобы сменить эльфа на страже. Оставалось надеяться, что Элл отыщет нашего великана, прежде чем с Медком случится какая-нибудь неприятность.

– Я думал, вы всегда носите ключ с собой, леди Миралисса, – прервал затянувшееся молчание Кли-кли.

На этот раз от шута не было слышно его вечных хиханек и хаханек. Даже неунывающий гоблин понимал, в какое положение мы попали.

¹⁹ **Листва** – центральный эльфийский город в Заграбе. Принадлежит главному дому темных эльфов – дому Черного пламени.

– Моя ошибка, шут.

Эльф признал свою ошибку?! Небывалый случай. Обычно эльфы винят в ошибках других.

– Да нет тут вашей ошибки, – успокоил Миралиссу милорд Алистан. – Мы ведь даже не предполагали, что кому-то станет известно, что у нас есть ключ.

– Надо было предположить! – Эльфийка сверкнула глазами. – Моя беспечность и моя вина! Я не потрудились даже установить вокруг ключа защиту!

– Как они вообще прослышали о нашем появлении? – задумчиво сказал Эграсса.

Темный эльф как будто читал мои мысли. Как? Ну как они могли узнать о нашем появлении? Мы ведь только что приехали в город – и нате вам!

Ответ на этот вопрос был только один – нас здесь ждали, и ждали давно. Но откуда они знали, что у гнома заболит зуб? Это же абсурд! Это ведь такая мелочь! А если бы он не заболел, мы бы никогда в Ранненг не заехали! А если бы...

– Стоп! Хватит предполагать. Случилось то, что случилось. Очередная веселая шутка старушки-судьбы. И сейчас надо не просчитывать варианты, что было бы, если бы кто-то поехал бы куда-нибудь в совершенно другое место, а думать, как вылезти из лужи и остаться при своих...

– Кто-то кому-то успел о нас донести, – ответил эльфу Алистан. – Пока ехали по городу, мы были как на ладони. Город – это не чисто поле, здесь сотни глаз, нас могли искать... Сами знаете...

Знаем. Никому не доверяйте и глядите в оба – магистр Арцивус всегда дает полезные советы.

Угорь встал со стула, прошел через весь зал и склонился над телами неизвестных. Он довольно долго изучал лица мертвецов, а затем без всякой брезгливости проверил карманы покойников и их руки. Руки-то зачем?

– Без сомнения, они воины – наконец вынес гарракец свой вердикт.

– Что они воины, а не жрецы богини любви, мы и так видим, – фыркнул Дядька. – Интересно, кому эти гады служили?

– Если бы они попросту постреляли нас, я бы предположил, что кто-то из дворянских домов решил избавиться от отряда, посчитав, что их соперники наняли нас на службу. Тогда бы это было предупреждение... – после недолгого молчания сказал Алистан.

Ничего себе предупреждение! Предупреждение – это когда тебе ломают палец и обещают в следующий раз сломать руку, а затем шею. А когда тебя шпигуют арбалетными болтами, то это не предупреждение. Или у дворянских домов предупреждения в корне отличаются от предупреждений преступного мира? Сагот поймет этих дворян!

– Но люди домов не занимаются грабежами, – задумчиво продолжил милорд Крыса. – По крайней мере в таких масштабах, а целью этих незнакомцев был именно ключ. Так что дворяне отпадают...

– И кто у нас остается? – спросил Угорь, возвращаясь на свое место.

– Остаются либо сторонники Неназываемого, либо Хозяина. Только им мог понадобиться ключ, – вместо Алистана гарракцу ответил Кли-кли.

М-да, выбор великолепный. И ребята Неназываемого, и слуги загадочного Хозяина – еще те гадюки! Цапнут и смоятся, будто их и не было. И связываться с теми или с другими абсолютно нежелательно, если вы, конечно, хотите встретить седую старость и увидеть своих правнуков.

Если бы боги сказали, что избежать драки невозможно и дали мне право выбирать, с кем потягаться силами, я бы без колебаний указал на шакалов спятившего от ненависти к Валию-стру колдуна. Если кто удивлен моим выбором, объясняю. Сторонники Неназываемого – фанатики. Они гниль, грязь и сорняки нашего королевства, и прополкой этих сорняков с радостью

занимаются палачи-огородники Королевских песочников. И еще один плюс в пользу выбора сторонников Неназываемого: этих ребят хотя бы можно понять и предугадать их действия. А вот поступки слуг Хозяина, которые непонятно чего хотят и к чему стремятся, совершенно непредсказуемы, и у них полностью сдвинут колпак, а следовательно, эти парни опаснее стаи бешеных волков и роты сторонников Неназываемого.

– Осталось совсем немного, мой умный дурак, – хмыкнул я, обращаясь к шуту. – Узнать, кто из двоих названных тобой перебежал нам дорогу.

– Не знаю, о каком Хозяине говорит Кли-кли, но вот что я нашел у них в карманах. – Угорь бросил на стол два кольца.

Я взял тяжелый ободок и повертел его в руке. Кольцо в виде ветки ядовитого плюща – герб Неназываемого. Такие кольца носят его слуги, когда выполняют волю своего владыки.

– Понятно. – Я бросил колечко на стол и вытер руки.

Коснувшись золотого ободка, я, пожалуй, впервые испытал отвращение к вещице из чистого золота, и, будь сейчас передо мной целый сундук этого добра, я бы ни за что его не прикарманил. Сталкон поступает совершенно правильно, отправляя вариться в кипятке людей, состоящих на службе у Неназываемого.

В зал вошел незнакомый мне человек. Миралисса представила его, сказав, что это племянник покойного мастера Пито – мастер Квилд. Семейное сходство было несомненным, с той лишь разницей, что Квилд был лет на двадцать моложе своего мертвого дяди.

– Горе-то какое, треш Миралисса! Хотя бы боги покарали проклятых убийц! – запричитал наследник, в отчаянии заламывая руки.

– И покарают, мастер Квилд, можете в этом не сомневаться. – Миралисса ободряюще похлопала по плечу нового владельца трактира. – Я позабочусь, чтобы затеявший все это злодей не ушел безнаказанным.

– Спасибо, леди Миралисса. – Квилд с благодарностью кивнул эльфийке. – Такое завертелось... Я даже не знаю, что мне теперь делать...

– Стража знает о случившемся?

– И не узнает! – ответил трактирщик. – Эти дармоеды только и могут пошлины стричь и взятки брать! А когда случается вот такое, их днем с огнем не сыщешь!

– Если стража ничего не узнает... Тогда вам лучше вынести тела из зала, пока кто-нибудь ненароком не заглянул в трактир.

– Да... – Квилд скорбно кивнул. – Да, действительно, я так и поступлю. Сейчас позову помощников, треш Миралисса, и отнесем убитых ко мне домой, а там уж женщины разберутся что да как. К похоронам приготовят... – вновь загрустил Квилд. – А этих двоих супостатов я, с вашего позволения, на заднем дворе, возле скотного двора закопаю.

– Это на ваше усмотрение, мастер Квилд.

Трактирщик, скорбно стелая, удалился. Дядька допил пиво и подошел к нашему столу.

– Как плечо-то? – немного виновато спросил у него Арнх.

– До свадьбы доживет и мясом зарастет. Спасибо леди Миралиссе, помогла шаманством, через неделю буду как новенький.

– Горлопана жалко, – вздохнул Кли-кли.

– Ты погоди, зеленый, его хоронить-то! Может, и жив еще наш Горлопан, – одернул шута Сурок. – Не стали бы люди Неназываемого с собой труп тащить, живого уволокли, чует мое сердце.

Может, и живого... А может, и нет... Без постоянного нытья и брюзжания Горлопана в отряде сразу стало как-то пусто...

* * *

Минуты текли со скоростью улитки, которая ненароком попала в королевские винные погреба и наалакалась в них дармового пойла по самое не хочу. Капли времени падали на раскаленные угли ожидания, но никто из богов даже не попытался ускорить их бег, превратить капли в дождь и затушить их жар.

Вернулся Квилд с помощниками, и, погрузив тела на носилки, они вынесли их из трактира.

Два раза в трактир заглянул Халлас. В первый раз для того, чтобы сообщить, что все тихо, а второй раз – за двумя кружками пива. На вопрос Дядьки, что они с Делером будут делать с пивом на посту, бесхитростный гном ответил очень лаконично – пить. Дядька нахмурился, но ничего не сказал, видно решив не ввязываться в бесполезный спор с Халласом.

Алистан с невозмутимостью, которой позавидовали бы особы королевской крови, продолжал наяривать точильным камнем по мечу, видно желая сделать его самым острым во всей вселенной. Пример графа оказался заразителен, и Угорь, обнажив один из двух своих клинков, принялся за работу. На мой взгляд, точить гарракский клинок – ненужная трата времени. Узкий и изящный «брат» без всяких усилий мог располосовать эльфийский дрокр, не говоря уже об обычном шелке. Я поинтересовался у Дядьки, где мой любимый арбалет и нож. Десятник ткнул пальцем в сторону дальнего стола, где было свалено все наше оружие.

Что тут поделаешь – не умею я пользоваться ядовыми стальными кусками железа, называемыми мечами, кинжалами, топорами, секирами и прочая, и прочая, и прочая... А вот арбалет – другое дело. Я легко попаду из своего миниатюрного друга-арбалета в мишень с семидесяти шагов, в то время как искусство владения мечами и колюще-режущими предметами – не для приличного вора. Где мне, скажите пожалуйста, размахивать мечом? Со стражей, что ли, драться? Так лучше просто убежать, чем ожидать, что какой-то пропитой страж пырнет тебя куском железа в живот. Так что не создан я для фехтовальных поединков, хотя благодаря Фору и «закрытым боям» вполне сносно разбираюсь в этом со стороны.

Сурок продолжал запихивать в Непобедимого очередную порцию снеди, и создавалось такое впечатление, что воин кормит свою зверушку на убой. Арнх, Дядька и Эграсса занялись игрой в кости на интерес, и эльф уже успел выиграть шесть раз.

Кли-кли с совершенно серьезной миной шептался с эльфийской принцессой. На мою попытку подойти к ним шут ответил не очень приветливым взглядом, и я отошел. У гоблина и эльфийки появились общие секреты?

Фонарищик потихоньку наигрывал грустную мелодию на дудочке, и лишь я остался не у дел. Решив заняться чем-нибудь полезным, я извлек из сумки карты Храд Спайна и изучал их до той поры, пока не вошел Элл.

Миралисса вопросительно изогнула бровь, но эльф лишь отрицательно покачал головой.

– Не нашел.

– Никаких следов? – отвлекся от меча Алистан.

– Да нет, совсем наоборот – слишком много следов. Я по ним прошел через весь город и даже нашел тех, кто украл у нас ключ, но они все уже были мертвы.

– То есть?! – одновременно вскричали Миралисса и Сурок.

– То есть абсолютно мертвы. Их утыкали стрелами. Если эти люди и несли ключ, то у них его отобрали. В карманах покойников я ключа не нашел. Шесть трупов в темном переулке, никакого ключа, никакого Медка и полное отсутствие следов. Как будто по ним метлой прошли. Я поискал, но без толку...

Нападавшие на нас сами попали в засаду? Этих-то кто успел пришить? Свои или в дело вступила третья сторона? Просто как пауки в банке!

– Надеюсь, с Медком ничего плохого не случилось, и он будет поудачливее, чем наш Элл, – ворчливо сказал Дядька.

– Мумр, – негромко произнес милорд Крыса. – Позови в трактир Халласа и Делера. Все равно без толку на улице торчат. Никто к нам этой ночью больше не нагрянет.

Фонарщик отложил в сторону дудку и пошел выполнять приказ Алистана.

В трактир ввалились гном с карликом. Оккупировав стойку, они принялись уничтожать стратегические запасы пива, заодно добрым словом вспоминая друга Горлопана, да пребудет он в свете.

Все вновь занялись своими делами и лишь иногда бросали обеспокоенные взгляды в сторону двери.

Я вернулся к изучению бумаг. Проклятые лабиринты Костяных дворцов наотрез отказывались оставаться в памяти, я от силы смог запомнить путь от первого яруса до лестницы на второй. Буду надеяться, что у меня еще найдется время основательно посидеть над старыми бумагами магов Ордена.

Наконец, когда время перевалило за полночь и наше терпение уже почти полностью себя исчерпало, а волнение за судьбу исчезнувшего Медка достигло своей наивысшей точки, Медок вошел в трактир. Воин молча взял у Делера полную кружку густого темного пива и осушил ее одним глотком.

– Нашел я их, – усмехнулся молодой великан, тыльной стороной ладони вытирая усы. – Они в доме в южной части Ранненга.

– В южной? – нахмурилась Миралисса. – Но там только особняки высшего дворянства!

– Я же говорю, что в южной, леди Миралисса. Халлас, повтори пивка.

Медок протянул кружку гному, и тот безропотно ее наполнил.

– О Горлопане что-нибудь узнал?

– Ничего. Как в воду канул, – отхлебнул пива воин.

– Что вообще произошло? Элл тебя так и не смог найти.

– Да? – Медок посмотрел на эльфа.

– Я обнаружил только трупы...

– Ах да! Я когда вышел из трактира, отставал от наших убийц минут на десять. Да еще и стража в Верхнем городе разбегалась.

Из-за стражи пришлось хорониться и идти с оглядкой, я ведь с собой меч на всякий случай прихватил. В общем, к месту схватки я немного опоздал. Пришел, на мостовой одни лишь мертвецы и десяток ребят с луками, уходящих из темного переуллка. Ну, на безрыбье, как говорится... Я за ними пошел.

– Они что-нибудь говорили?

– Да нет... – подумав, сказал Медок. – Правда потом, когда убийцы встретились с каким-то человеком, тот сказал, что Хозяин теперь может быть ими доволен.

– Хозяин? – с тревогой переспросила у Медка Миралисса и бросила предупреждающий взгляд в мою сторону.

– Так они сказали, – пожал плечами Медок и отхлебнул из кружки. – Мне довольно долго пришлось за ними идти, а потом еще дольше торчать в каком-то закутке, пока неизвестные ожидали человека. Они передали ему тот предмет, что украли у вас, треш Миралисса, получили деньги, восхвалили Хозяина и свалили.

– А тот неизвестный?

– Этот человек, получив то, что желал, поперся совершенно в другую сторону. Тут уж мне пришлось выбирать, за кем идти. Я рассудил, что украденная штука важнее, и пошел за новым знакомцем. Ловким он оказался, зараза! Я его чуть было не потерял. Да и он меня не засек только чудом, я еле успел спрятаться, когда он ни с того ни с сего решил тылы проверить.

– Он тебя точно не заметил? – обеспокоилась Миралисса.

– Да нет... Не должен был.

– Чего же ты его не пришел, раз у него ключ был? – разочарованно спросил гном.

– Видел бы ты его, Халлас! – попытался оправдаться Медок. – Опасный тип. Было в его походке что-то такое... Ты бы понял, если бы встретился с ним. Да к тому же он еще и шаманом мог оказаться – больно бледная у него кожа...

– Ты сказал «бледная»?! – вскинулся я.

– Ага. Кожа у него, стало быть, как мел. Белая-белая.

Уж не мой ли это был знакомец Бледный? Выходит, что на Большом Рынке мне не почудилось и я видел именно Бледного. Думаю, Ролио тогда тоже меня заметил. Случайно ли Бледный оказался на Рынке или он меня специально выискивал – это уже не важно, ключ теперь у него.

Бледный оказался даже хитрее, чем я думал, – он не стал лезть напрямик, решил дожждаться удобного момента и добыть ключ для своего Хозяина. Как же повезло проклятому сучьему коту! Такой шанс сам приплыл в его лапы!

Сторонники Неназываемого все сделали за Бледного, и слугам Хозяина оставалось лишь подкараулить свою добычу в темном переулке и, расстреляв воров из луков, завладеть ключом. То, что не удалось шаману Хозяина полторы тысячи лет назад в горах Карликов, удалось наемному убийце сегодняшней ночью, и Хозяин наконец-то смог заполучить вожаемый ключ в свои лапы.

– Продолжай, Медок, – попросил Эграсса.

– А что продолжать? – пожал плечами Медок. – Я не Кот, да пребудет его душа в свете, следопыт из меня, как из Халласа ювелир, но все же этого парня я смог довести. Он в огромном особняке в южной части города. Вот и весь рассказ.

– Что за дом? Где он расположен?

– Да тьма знает это расположение! Я в Ранненге, как и вы, впервые. Насилу дорогу обратно нашел, а вы у меня расположение спрашиваете. Да и названий этих городских улочек вовек не запомню.

– Но дом-то ты опознать сможешь? – спросил милорд Алистан.

– А как не опознать? – крикнул Медок. – Не дом, а целый дворец, и ворота вычурные, с птичками всякими.

– Вот и славно! Мы этим птичкам сейчас крылышки-то и пообломаем! – Халлас запихнул в рот кусок хлеба, который он с аппетитом жевал, отряхнул руки и взялся за боевую мотыгу.

– Ты куда это такой бойкий собрался? – Дядька с нескрываемым интересом наблюдал за гномом.

– Как куда? – опешил от такого странного вопроса Дядьки Халлас. – Надо ведь ключ у этих отобрать.

– Одним неполным десятком? Не зная, к кому мы идем? Не зная численности охраны? Не зная, где в доме они прячут этот ключ и вообще там ли он? Побойся богов, Халлас! Видать, тебе слишком сильно приложили по зубам! – съязвил карлик.

– Сядь, Халлас, – негромко сказал Алистан, и пристыженный гном, собравшийся начать грызню с Делером, вернулся к стулу. – Вначале нам нужно узнать, с кем мы имеем дело, а уж потом лезть в бой.

– С кем мы имеем дело? Тут, пожалуй, я смогу вам ответить, милорд Алистан, – не подумав, ляпнул я и тут же прикусил язык, но было уже поздно.

– Ты стал прорицателем, вор? – спросил меня граф Маркауз.

Милорд Крыса, граф Алистан Маркауз, Опора Трона и прочая и прочая во время разговора со мной всегда называет вашего покорного слугу вором. И только в очень редких случаях, лишь когда забывается, обращается ко мне по имени.

Что тут поделаешь? Не любит, ох не любит милорд Алистан таких ребят, как я. Не сомневаюсь, будь его воля, он бы развешал всех воров Авендума на деревьях в королевском парке и по три раза в день пересчитывал количество висельников, чтобы, не дай Сагот, кто-нибудь не пропал. Встреть я графа при других обстоятельствах – тут же загремел бы в Серые камни (и это только в том случае, если палач в это время будет слишком занят).

Так что вполне можно понять не очень благожелательное отношение капитана королевской гвардии к моей скромной персоне и его бешенство, когда вместо того, чтобы отдать приказ капитану отправить Гаррета-теня в тюрьму, король приказал милорду Крысе совершенно противоположное – охранять меня любой ценой, сдувать пылинки и беречь каждый волос на голове.

Маркаузу исполнить такой приказ – все равно что проглотить отравленный стилет. Но с королем не поспоришь, и наш глубоко обожаемый граф взялся за дело с основательностью, твердо решив на время забыть, что я преступник, и довести меня до Храд Спайна в целости и сохранности.

Но приказ приказом, а отношения отношениями. Если надо, Маркауз был готов заслонить меня собой от вражеской стрелы, но ласковое обхождение с ворами не входило в его задание. Поэтому со мной он старался не разговаривать, а если уж боги решали подкинуть графу испытание в виде общения с вором, он проделывал это с хмурой миной недовольного жизнью, да к тому же еще и нищего гнома.

– Да нет, милорд Алистан, – подчеркнуто вежливо ответил я на выпад графа. – Просто, по словам Медка, тот человек, что получил от напавших на сторонников Неназываемого ключ, не кто иной, как Бледный. А Бледный, как вы должны помнить, милорд, служит Хозяину. Смею предположить, что кто бы ни жил в доме, он так же, как и Бледный, на побегушках у Хозяина.

– Что же, звучит правдиво, – согласилась с моими доводами Миралисса, а затем раздраженно щелкнула пальцами. – И снова нам дорожку перебегает Хозяин.

Алистан хмыкнул, показывая, что я его нисколько не убедил своими предположениями, и еще яростнее заработал точильным камнем по лезвию батарного клинка.

– Прошу прощения, леди Миралисса, – лениво процедил наконец-то открывший рот Угорь. – Мы с ребятами в последнее время только и слышим от вас об этом Хозяине. Вы не могли бы рассказать о нем подробнее? Что это за человек, чего он от нас хочет? А то мы как слепые котята – даже не знаем, откуда может нагрянуть опасность. Мы все же охраняем вас.

– Да я и сама мало что знаю, Угорь. Это мастер Гаррет у нас знаток историй о Хозяине и его слугах. Гаррет, не будешь ли ты так любезен рассказать о Хозяине еще раз?

Взоры Диких обратились в мою сторону, всем было интересно послушать о попортившем нам немало крови Хозяине. Эльфы, Алистан и Кли-кли уже были знакомы с моей историей, и теперь пришло время посвятить в нее Диких, рассказать ребятам о более опасном враге, чем Неназываемый. Хотя желания по второму разу пересказывать те события у меня было мало.

Почему более опасном? Враг, о котором ты ничего не знаешь, всегда более опасен.

– Мумр, налей мне пивка, – вздохнув, обратился я к Фонарщику. – Рассказ будет долгим.

– Ну я уже твою историю слышал, да и на дворе глубокая ночь, так что пойду-ка я спать, – зевнул Кли-кли.

– Я тоже на боковую, – поддержал гоблина гном и бахвальски закончил: – Вы мне просто завтра, то есть уже сегодня, скажите, где башка у этого вашего Хозяина, и я его стукну мотыгой, чтобы он козни нам не чинил!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.